

Метро

Юрий Уленгов

Метро 2033. Грань человечности

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Уленгов Ю.

Метро 2033. Грань человечности / Ю. Уленгов — «АСТ»,
2016 — (Метро)

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Сквозь снег и мороз, через постъядерную тайгу и безмолвные, пустующие города. По снегу и льду Байкала туда, куда влечет тебя собственное безумие. В Иркутск. Пройти по краю, постоянно балансируя на тонкой грани человечности. Переступить ее, когда нужно быть зверем, – чтобы победить тех, кто давно перестал быть людьми. Взять верх над природой, врагами и самим собой. Чтобы выжить. Чтобы спасти тех, в чьем существовании не уверен. Чтобы понять: осталось ли в тебе самом что-то от человека – или зверь, проснувшийся семнадцать лет назад, – безраздельный хозяин твоего сознания.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Уленгов Ю., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Пушистый зверек с черным мехом. Объяснительная записка Вячеслава Бакулина	7
Глава 1. Бесконечное одиночество	9
Глава 2. Разделяй и властвуй	23
Глава 3. Кто с мечом к нам придет...	36
Глава 4. «Мне отмщение и аз воздам»	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Юрий Уленгов

Метро 2033: Грань человечности

© Д. А. Глуховский, 2016

© Ю. А. Уленгов, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Пушистый зверек с черным мехом. Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

Нет, что ни говорите, дражайшие выжившие, а жизнь у меня веселая и богатая на интересных людей. Вот, к примеру, недавно зашел у меня разговор с одним автором нашей серии. Назовем его, к примеру, Икс. И вот говорит мне тот автор Икс с не то чтоб даже обидой, но – с укоризной голосе:

– Что ж ты меня обманул? Сулил ведь, что книга автора Игрек – боевик. А она что?

– Что? – спрашиваю я, холодея конечностями. Уж больно строг бывает автор Икс. Как посмотрит – хоть сквозь землю провались до тех самых глубин, которые Руслан Мельников описывал. Да и вообще, обманывать людей плохо. Особенно – авторов. Это я сам, как автор, знаю не понаслышке, и оттого мне еще больше неуютно делается.

– Чернуха!

Тут я, на всякий случай изобразив лицом скорбь и смирение, принялся лихорадочно размышлять. Знаю триллер. Знаю нуар. Знаю dark fantasy. Знаю, что самый «мясной» вид хоррора именуется слэшером. И даже Чака Паланика читал (помимо всего прочего). Но вот «чернуха»... Что за странный зверь такой? Особенно применительно ко «Вселенной», где, вообще-то, с агнцами нежными, кудрявыми большие напряжения. Все больше козлищи, а нет – так пушистые зверьки с ценным мехом. Постап все-таки, понимать надо.

В общем, так ничего путного я и не придумал, а принятое впопыхах выражение лица мне совершенно не шло. Делать нечего, пришлось обратиться за разъяснениями к автору.

Оказалось, что это (в представлении автора Икс, разумеется, но не только его, судя по всему) практически постап-панк. То есть постап грубый, жестокий, наполненный массовыми изуверскими убийствами, пытками, изнасилованиями, каннибализмом и еще бог знает чем. А главное – «безо всего этого вполне можно обойтись», «нас же дети читают», «зачем смаковать гадости» и тэ дэ и тыр-пыр.

Тут я призадумался во второй раз. Вроде, прав автор Икс. Читают дети, никуда не денешься. Хотя и маркируются книги серии «16+», а все равно тянут ручонки. Что греха таить, моя четырнадцатилетняя дочь еще года три назад утверждала, что часть одноклассников Глуховского читали, и слегка обижалась, когда я ей книжки не давал. Опять же, можно без всего перечисленного написать роман? Можно. Автор Икс – пишет, автор Зет – пишет, и даже какой-нибудь Омикрон пишет тоже.

А вот другие: Туллио Аволодо, например, или Дмитрий Манасыпов, или наш сегодняшний герой Юрий Уленгов – пишут по-другому.

Как там в неувядающем шедевре-то было: «Вы посмотрели драму “Пиф-паф!” Охотник и заяц – кто прав, кто не прав?»

Нет у меня ответа на этот вопрос. И не будет. Потому что права в первую очередь литературная достоверность и великий триумвират «идея – тема – конфликт». Потом – читательский адрес (хотя я все-таки категорически против того, чтобы делать из чего-то версию «софт» только на основании того, что им могут воспользоваться дети, для которых оно не предназначено. Давайте уж тогда и половину сетевого контента запретим, потому как дети ж могут увидеть, ай-яй-яй! И ведь есть такие инициативы от иных депутатов, есть.) Ну и жанровые своеобразия романа постапокалиптического, куда ж от них деваться. И если смог ты, автор, зацепить аудиторию и не пойти против себя, оперируя лишь средствами «не чернушными», не допустил, чтобы белый мех ценного пушного зверька потемнел – честь тебе и хвала. Но в нашей песочнице, как и везде, по-прежнему актуально правило «На вкус и цвет все фломастеры разные». Литературно выражаясь: «Не суди, да не судим будешь».

Справедливости ради должен добавить: автора «Грани человечности» я как раз просил немного снизить градус насилия и натурализма в тексте. О чем, кстати, он честно сообщил в послесловии, если вы привыкли читать книги от начала до конца и еще до одного не добрались. И так же честно признал, что где-то, с его точки зрения, текст от того выиграл, а где-то – проиграл. Спорить не буду, скорее всего так и есть. Но, помимо соблюдения разницы в рейтингах «16+» и «18+», – а она таки есть, – мною двигала уверенность, что за умело выставленным многоточием может скрываться такой ужас, который вряд ли адекватно выразишь буквами.

«Что ты знаешь о боли?» – спрашивает у пленного отморозка, убившего его семью, герой Уленгова. Бывший хирург, у которого есть нож. И всё. И звенящая тишина. И дикий крик, слышимый только автору и читателю.

Разному автору и разному читателю. В этом-то вся шутка. В этом-то вся прелесть.

А вы говорите – песец...

Глава 1. Бесконечное одиночество

– Что же ты так, паря? Ну чего ты дергался? А?

Он закончил зашнуровывать почти неношенные берцы. Пылились, видать, где-то на складе, пока их этому охламону не выдали. Неприязненно взглянув на лежащий рядом труп, вздохнул, опер ружье о ствол поваленного дерева и присел на замшелый пенёк. Достав из-под поеденного молью тулупа кисет и обрывок газеты, начал неторопливо сворачивать самокрутку.

С куревом давно уже было туго, впрочем, как и со всем остальным. Особенно тяжело оказалось с обувью. На его лапичу так и вообще не сыскать. Вот, сегодня подвезло...

Правда, патронов почти не осталось, а переснаряжать стреляные гильзы практически нечем. Сегодня еще один потратить пришлось. Говорил же, снимай по-хорошему обувь, нет, надо было ерепениться. Снял бы, глядишь, и живым бы остался.

Еще раз тяжело вздохнув, он прикурил получившуюся «козью ножку» и, глубоко затянувшись, гулко закашлялся.

Нагнувшись, он подтянул к себе вещмешок, ранее принадлежавший солдатику, «одарившему» его новой обувкой. Распустил тесемки и приступил к инспекции содержимого.

Так, запасные портянки и теплое белье, хорошо. Запасливым солдатик был. Консервы. Две банки. Тушенка. Он оценивающе покрутил жестянки и, сплюнув, запустил их в сугроб, одну за одной. В них и раньше гадость одну совали, а во что они теперь превратились – одному Богу известно. Нет уж, увольте.

На дне мешка что-то глухо стукнуло. Он запустил руку глубже и извлек на свет помятую алюминиевую флягу. Отвернув крышку, понюхал, и его широкое, давно не знавшее бритвы лицо озарила широкая улыбка.

– О! Вот это дело! Ну, упокой, Господи, душу твою грешную!

Посмотрев на тело, он широко перекрестился и сделал большой, жадный глоток из фляги. Склонил голову набок, прислушиваясь к ощущениям. Алкоголь пробирал до самых внутренностей. Он передернул плечами.

– Ух! Хороша чертовка!

Затянувшись так, что аж обожгло губы, выбросил окурок и стал собираться. Долго прилаживал снегоступы к обновке, вздыхая и с тоской поглядывая на свои старые валенки. Нет, не починить уже, прохудились совсем. Покачивая головой в такт каким-то мыслям, переложил содержимое своего латаного-перелатаного мешка в новый, солдатский, и затянул тесемки.

Солдатики стали появляться в его краях недавно. Сидели, видать, где-то в бункере законсервированном. Раньше их много было по всей стране, таких вот затерянных в глуши полузабытых воинских частей. Но то было раньше, а теперь и страны-то той нет. Вообще ничего нет. Есть его бревенчатая изба и заснеженный лес, простирающийся на сотни километров. И Даринка еще есть. И Анечка...

А солдатики, видать, из срочников бывших. По крайней мере, те, кого он видел. Сколько им лет было, когда все началось? Восемнадцать? Девятнадцать? А сколько лет назад Срань случилась? Пятнадцать или двадцать? Он уже давно перестал следить за ходом времени. Наступил новый день, ну и ладно, и хорошо. Какой смысл считать? И как? Зарубки ставить? Раньше ставил, потом стал забывать. Какая разница? Чтобы знать, когда затяжная зима сменится короткой весной и еще более коротким летом, которое резко, без осени, перейдет обратно в зиму? Зачем?

В очередной раз вздохнув, он перекинул ремень ружья через плечо, поправил вещмешок на спине (надо же! до сих пор новьем пахнет!) и ухватил тело за ногу. Хлипкий сол-

датский полушубок уже успел пропитаться кровью. Надо бы подальше утащить, на запах обязательно твари припрутся, а до его избы не так уж и далеко.

Снег весело хрустел под снегоступами, тело, которое он волочил за собой, давно перестало оставлять кровавый след. Замерзла кровушка, на таком морозе-то! Сам он к холоду давно привык, еще до Срани... В лагере и холоднее бывало, особенно в конце трудового дня, если буржуйка в бараке прогорала. И одиночества он давно уже не чувствует. Тем более, что у него Аня есть. И Даринка.

* * *

Угрюмым и нелюдимым он был с рождения, а срок, полученный им, если вдуматься, за дело, сделал его еще более замкнутым.

Когда-то давно, еще в той, прошлой жизни, Захар должен был стать врачом. Хирургом. И весьма неплохим, как говорили врачи отделения, в котором он проходил интернатуру. Задатки, говорят, были у него. Да все было, если рассудить. И дом, от матери покойной в наследство доставшийся, и машина, кредит за которую выплатил как раз незадолго. Семьи только не было, да он к ее созданию особо и не стремился. Рано было еще. И работу он свою будущую любил очень. И прочили студенту большое будущее. До тех пор, пока он не зарезал пациента на столе. Случайно. Рука дернулась.

У медсестрички из их отделения день рождения был, вот они и усугубили на дежурстве. Хирург – так вообще в дрова. А тут парня привезли. Тяжелого. Ну и...

Времени на то, чтобы вызывать кого-то из врачей, не было – дошел бы парень. И Захар вызвался оперировать самостоятельно. Не вышло. Слишком мало опыта.

На суде Захар ничего не отрицал и всецело признал свою вину. Было же? Было. Так чего отпираться-то? Ну, и поехал в край вечного холода. Лес валить.

В лагере «лепилу» уважали. Человек интеллигентный, тихий. И задирать его опасались. Ну-ка, медведь такой! Да и повода не давал. Работал, как все, если не лучше, не встречал никуда. Мужик, одним словом.

По окончании срока Захар не стал возвращаться в родной город. Зачем? Работы по специальности ему не видать, а улицы мести не хочется. И людей тоже не хочется видеть. И он остался здесь. Смог устроиться лесничим в частный заказник. Домой съездил на неделю, продал дом и машину, расширил и благоустроил лесничью избушку, превратив ее в настоящие хоромы, прикупил снегоход. Хороший. Японский. Нужды ни в чем не испытывал, если нужно было – гонял, поднимая тучи снежной пыли на своей «Ямахе» в городок, за восемьдесят километров. Летом – на старом, на ладан дышащем «Урале» с коляской за припасами мотался. Там с Анной и встретился. Случайно совсем.

Всегда в одиночестве комфортнее было, а тут вдруг что-то защемило. Среди людей оказаться захотелось. Вот и занесло его в кинотеатр. Не глядя на название фильма, купил билет и с комфортом устроился в полутемном зале. Самое смешное, крутили какую-то драму о жизни врачей. Хирургов. Он смотрел и посмеивался, а впечатлительная молодая женщина на соседнем кресле все время крутилась, охала и, кажется, даже всплакнула. Не выдержав, он нагнулся к ней и посоветовал не принимать картину близко к сердцу, на что она удивленно захлопала длинными ресницами.

– Как не воспринимать?! Ведь как в жизни все!

И, глядя в ее красивые глаза, он вдруг, удивляясь сам себе, предложил:

– А хотите, я вам расскажу, как оно, в жизни-то?

Через два месяца Анна стала его женой. Ее не смущало ни его прошлое, ни настоящее. Ей даже понравилось в избе, в глуши, среди тайги. В его жизни появился смысл, и он сам удивлялся происходящим с ним переменам. Ощущение, что его ждут дома, было новым, при-

ятым и каким-то... теплым, что ли? Оказывается, нужно было прожить полжизни, чтобы наконец обрести простое человеческое счастье.

А еще через полгода пришла Срань.

Захар врал себе. Он четко помнил, сколько времени прошло с того момента, когда привычный мир перестал существовать. Двадцать лет. Двадцать холодных, страшных лет. Полжизни, практически. Когда вдали загудело, загрохотало, он решил, что гроза идет. А когда неожиданно яркая вспышка озарила небосклон и окрестности, сердце его екнуло. Бросив синок, который поставил вчера на заячьей тропе, он со всех ног рванул к Плешивому холму. Захар не знал, откуда посреди тайги возник этот холм, на котором не росло ни одного деревца, лишь редкие кустики покрывали его поверхность. Да и не интересовался никогда. Знал лишь, что с его вершины очень удобно любоваться закатом. Казалось, вся бескрайняя тайга была как на ладони. К тому моменту, когда, задыхаясь от бега, он поднялся на вершину Плешивого, свечение уже угасло, и даже как будто стало темнее. Тем не менее, огромный дымный гриб на горизонте было видно отчетливо. Не веря своим глазам, он все стоял и смотрел, когда вспышка снова озарила небо. На этот раз свет пришел с другой стороны, и явно издалека, потому как и время, и интенсивность свечения были гораздо меньше, чем в прошлый раз. Вслед за вспышкой прикатились далекие раскаты грома.

– Не может быть... – прошептал Захар. Зябко поежившись, он поднял рюкзак и поспешил домой.

Пока добирался до заимки, вдали сверкало и грохотало еще несколько раз. Теперь явно уж очень далеко. Захар гнал от себя нехорошие мысли, но умом понимал, ЧТО может так сверкать и грохотать.

Анна встретила его на крыльце.

– Ты это слышал?

– И слышал, и видел тоже, – буркнул под нос Захар.

– Захарушка, что это? Это же...

– Я думаю, это война, – произнес он и, обняв жену за плечи, увлек ее в дом.

Всю ночь дул сильный ветер, деревья гнулись и трещали. Захар лежал под одеялом с открытыми глазами, обнимал жену и молился, чтобы радиоактивное облако пронесло мимо. После увиденного он уже не сомневался – это были именно взрывы, однако в глубине души надеялся, что ошибается. По часам уже должно было наступить утро, но светлее на улице не становилось. Обуреваемый самыми мрачными предчувствиями, он мечтал только об одном: чтобы все происходящее оказалось дурным сном.

Через неделю он наконец решил поехать, посмотреть на город. Все это время он не выходил из дому и не выпускал Анну. Хорошо, что за несколько дней до... Он не знал, как это назвать, в общем, до всей этой срани, он ездил в город, за припасами. Гараж был наполовину заполнен колотыми дровами, а помимо основного бака солярки для генератора, он всегда держал в запасе еще два.

Светлее за это время не стало. На тайгу опустились густые сумерки. Да еще и снега навалило – мама дорогая. И это в июле-то! Вспомнив о последствиях ядерного взрыва все, что осело в памяти еще с армии и инструктажей по гражданской обороне, проводимых в институте, Захар постарался как можно лучше подготовиться. Нашел в кладовой старый ОЗК, ранее использовавшийся только в поездках на рыбалку, порывшись на дальней полке, откопал несколько респираторов, оставшихся еще от старого хозяина заимки. В каких целях тот их использовал – неизвестно, но сейчас они были как раз кстати. Выбрав один, по виду – самый новый, он добавил его к своему снаряжению. Немного подумав, открыл шкаф, достал оттуда старенькое ТОЗовское ружье, и пачку патронов. Повертел коробку в руках. Крупная

дробь. Сойдет. Для чего сойдет? А бог его знает. Взяв ружье в руки, он, удивительное дело, почувствовал себя спокойнее, хотя раньше к оружию относился ровно. Даже живя в тайге, не был любителем охоты, предпочитая рыбалку, только иногда ставил силки, чтобы разнообразить рацион свежей зайчатиной. С ружьем Захар обращаться умел, пришлось научиться. Когда живешь в глуши, неизвестно, чего ожидать. Самому Захару, с его-то судимостью, никто бы оружие, даже охотничье, не продал бы. Ружье ему презентовал предшественник, когда передавал дела. По его словам, в городе, куда он перебирался, ружье ему ни к чему, одна морока, так что, пусть, мол, остается. Лишь улыбнулся вялым отнекиваниям Захара, сказав «пусть будет», и вручил ему инструкцию по пользованию. Сейчас подарок пригодился.

ТОЗ-34 – это, конечно, не компактное ТОЗ-106, ласково именуемое в народе «смерть председателю», но имеет перед ним одно неоспоримое преимущество: у «тридцать четверки» два ствола. Да плюс ко всему, «вертикалка» была еще и красивой. Резной приклад и цевье так и притягивали к себе взгляд. Анна с испугом наблюдала за мужниными приготовлениями.

– Захар, ты уверен, что ехать нужно? – в голосе слышались едва сдерживаемые рыдания.

– Нужно. Необходимо. Мы должны знать, в конце концов, что произошло, а сидя здесь, я этого не выясню.

Женщина стояла, прислонившись плечом к дверному косяку и зябко обхватив себя за плечи, влажными глазами смотрела на мужа.

– Ты только... Ты только поосторожнее там, пожалуйста! – она всхлипнула.

Захар подошел к жене и ласково обнял ее.

– Конечно, маленькая. Конечно...

* * *

– Уф-ф. Ну и тяжелый, ты, братец!

Он отпустил ногу трупа и устало привалился к дереву. Достав из-за пазухи фляжку, еще разок приложился к ней. Глоток алкоголя подействовал ободряюще.

– Спирт. Уже и забыл, когда пил в последний раз. Уважил ты меня, братец, уважил.

Не находя ничего странного в разговоре с успешным окоченеть телом, он присел на корточки и стал сворачивать новую самокрутку.

– Откуда ж вы повылазили-то, братцы? И чего сидели там так долго? Боялись? А кого? Зайцев шестилапых, что ли? Да нестрашные они. И на вкус ничего.

Хмыкнув, он приложился к фляжке еще разок.

– Хотя, да. Есть, наверное, кого бояться. Я, правда, не видел их ни разу, но слышал. Слышал, да... К жилью, правда, особо не суются, но воют-то, воют-то как! Волками были, наверное. Ну, тогда, до Срани... Следы видел тоже, да... Здоровенные такие... Но пока не лезут. Главное – слышь, ты – главное, как стемнеет, далеко в лес не высовываться. А так нормально. Нормально, да...

* * *

...Он стоял на опушке и смотрел на город. Нет, его не бомбили. Что тут бомбить-то, в их захолустье? Не, вроде в тайге где-то были какие-то особые части, люди говорили, но кто про них помнит-то уже? Снабженцы, разве что. Во всяком случае, город на вид был целым. Лишь кое-где еще дымились отдельные дома, указывая на то, что не все ладно. И не было людей. Совсем. Городок, скорее всего, покинули. Здесь-то, в отличие от его глуши,

связь с цивилизацией имелась. Может, успели предупредить. Только почему тогда брошенные машины то тут, то там стоят?

Город произвел на него тягостное впечатление. Казалось, тут случилось что-то страшное. Что-то давило, кричало: «Уезжай!». Он боролся с этим чувством некоторое время, но, в конце концов, подчинился ему. Нечего тут делать. Не на что смотреть. Пусто. Никого не осталось.

Захар давно подумывал разжиться радиостанцией на всякий случай, но так и не сподобился. Спутниковый телефон разгрохал, а учитывая его стоимость, начальству об этом объявлять не спешил. Вот и не узнал, что за беда пришла. И теперь, скорее всего, никогда и не узнает. Да и надо ли ему оно? Ведь что в его жизни изменится? Да ничего. Силков только теперь побольше ставить надо. И керосина раздобыть. А там... Прорвемся как-нибудь. Лишь бы темень эта прошла поскорее.

Анна забеременела через два года. До этого как-то не получалось. Но они не расстраивались. Что, по здравому рассуждению, может ждать ребенка сейчас в новом мире? Тем более, в их ситуации. В глуши, в чаще, без связи с внешним миром. Неизвестно, остались ли еще люди на Земле. А если и остались, то до них не добраться. Нет, добраться-то, наверное, можно, но смысл? Уходить из уютного, благоустроенного места в неизвестность, во мрак... Уж лучше здесь. В общем, ребенка они не ждали и не надеялись. Но, когда стало ясно, что Аня беременна, Захара как подменили! Куда делась его угрюмость, замкнутость? Он целыми днями напевал, мастеря что-то в гараже. Плотник из него никакой, но при должном упорстве и терпении, разве ж это наука? И не такому люди учились. В итоге, место рядом с их большой кроватью заняла грубоватая, но симпатичная детская кроватка. Захар дни напролет бродил по окрестностям, выискивая под снегом дикий чеснок – практически, единственный доступный им источник витаминов. Пересилил страх перед однажды испытанным ощущением и выбрался-таки в город. Прошелся по краю буквально, заскочил в супермаркет с поскрипывающей на ветру распахнутой дверью, удивился порядку – нетронутое все. Нашел пеленки, распашонки и подгузники. Нагрел, не разбирая, каких-то присыпок, детских прикормов, каш. Стал намного аккуратнее вести себя во время своих лесных экспедиций, и все время сверялся со стареньким радиометром, найденным на бездонных антресолях заимки. Хорошо хоть, снегоход пока не подводил и исправно жрал солярку из бака, обходясь без ежегодного обслуживания в сервисе. Иногда Захар с ужасом представлял себе, что с двигателем что-то случится и он застрянет в темном, мрачном лесу, за много километров от дома. Встряхивая головой, он гнал прочь от себя мрачные мысли. И становился еще аккуратнее и внимательнее, пробираясь сквозь чащу домой, к жене.

Света от нескольких керосиновых ламп вполне хватало, чтобы осветить их небольшую спальню. В доме жарко натоплено. Несколько часов назад у Ани начались схватки, и Захара, уже несколько недель подготавливающего себя к этому моменту, охватила нервная дрожь. Только бы все прошло нормально! В последнее время Аня не очень хорошо себя чувствовала, но в целом все было гораздо лучше, чем можно было себе представить. Сейчас она в забытьи лежала на окровавленной простыне. Взгляд ее блуждал, а кожа приобрела мраморный оттенок. Ничего, это бывает, это пройдет. Послеродовой шок как реакция на стремительные роды. Зато, вот какая у них красивая девочка! И не кричит, как большинство новорожденных, спокойная! И ничего страшного, что ее глазки пленкой затянуты и вряд ли когда-нибудь откроются. Ничего, она все равно самая красивая! И как тянет к папочке свои маленькие ручки! Красивая наша девочка...

* * *

– Ну, вот мы и пришли!

Он с усилием перевел дух и вытер рукавицей выступившую испарину.

– Все, братец, теперь нам не по пути. Ты остаешься здесь, а я, пожалуй, домой пойду. Жаждались меня, поди, уже. Спасибо тебе, брат, за обувку, за спиртик тоже спасибо. Ты не серчай на меня, коли что, сам ведь виноват. Ну, все, бывай. Не поминай лихом.

Окоченевшее тело с глухим стуком покатилося в неглубокую яму. Раньше она была глубже, но сейчас была уже наполовину заполнена отлично сохранившимися в холоде телами в заляпанном кровью зимнем камуфляже. Да вон того, крайнего, видать, уже драл кто-то. Близо стали твари подходить, близо... Непорядок.

Запрокинув флягу, он допил остатки спирта, выдохнул, хрюкнув, и пару раз встряхнул емкость, проверяя, не осталось ли еще жидкости. Ничего не услышав, он с сожалением отправил флягу вслед за телом и нетвердой походкой отправился назад.

Где-то поблизости глухо ухнул филин.

– А, это ты. Ну, пойдём. Проводишь меня.

Когда филин появился в первый раз, Захар не на шутку струхнул. Видано ли? Дикая птица вслед за человеком с дерева на дерево перелетает. Прижав приклад к плечу, он долго выцеливал птицу, но, так и не обнаружив ее, плюнул. Ухает, да и ухает. Филин ли это вообще? Захару хотелось думать, что филин.

Он брел по темному лесу, бормоча что-то себе под нос, и громкое уханье сопровождало его, раздаваясь то с одного дерева, то с другого.

– Ухает он. Ухай, ухай. Вот возьму и стрельну как-нибудь. Доухаешься. Ага. Может. Не сегодня. Но – стрельну. Обещаю.

Птица замолкла.

– Что, испугался? Да ладно, не бойсь. С тобой веселее пока. Пока. Но имей в виду...

Бормотание становилось все невнятнее. Один раз он свернул с тропы, чтобы проверить силок. Силок оказался сорванным, и он, ругаясь, побрел дальше.

– Ухают, силки срывают, трупы едят. Совсем распоясались. Забыли, кто здесь хозяин?

Лес расступился, и он вышел на большую просеку. В центре просеки, огороженный высоким частоколом, стоял большой крепкий деревянный дом. Из трубы вился дымок.

Толкнув воротину, он оглядел двор и, удовлетворившись увиденным, направился за дом, сразу как-то выпрямившись, и протрезвев. За домом он стянул с головы драный треух и тихо сказал:

– Ну, вот я и дома, девочки. Не скучали?

Он стоял и смотрел на два грубо сколоченных креста. «Прокофьева Анна Дмитриевна 22.09.1990–26.03.2016». «Прокофьева Дарина Захаровна 11.07.2015–26.03.2016».

Филин ухнул в последний раз и затих. Пошел снег. Крупные, белесые хлопья ложились Захару на плечи и на непокрытую голову. Он стоял, ничего не замечая. Так продолжалось некоторое время, пока где-то вдалеке ему не послышался какой-то шум.

Обойдя дом, он стал у ворот и прислушался. Да нет, вряд ли. Хотя...

– Егоров! Его-о-о-ро-о-ов! Его-о-ро-ов!

– О! Еще гости! Солдатика, поди, пропавшего ищут! Сколько же вас здесь?

Он посмотрел на свои новенькие берцы.

– Пойти глянуть, что ли? Да ну, откуда у них еще такой размер? Сорок семь, как никак... Это так, повезло. Хотя... А вдруг спирт еще будет? Спирт должен быть, да! Точно!

Он нацепил треух и порылся в карманах. Выудив два патрона, посмотрел на них задумчиво.

– Два всего. Последние. А хватит двух-то? А если не хватит? Да не, должно хватить. Ладно, точно хватит. Вдруг сапоги? И спирт... Да, спирт...

Перехватив ружье поудобнее, он взвел курки и двинулся в чашу.

– Его-о-о-ро-о-ов! Егоро-о-ов!

Склонив голову набок, он прислушался. Примерно сориентировавшись по звуку, Захар ускорил шаг и, злорадно хихикая, растворился в сумраке вечернего леса.

* * *

Это произошло в третий год от П.С. – Пришествия Срани, как он окончательно для себя это все окрестил. Уже вторую неделю в сером небе периодически образовывался просвет, в который на несколько минут робко выглядывало солнце. Ну, или луна. В зависимости от времени суток. Это вселило в их сердца надежду. Надежду на то, что вечные сумерки, угнетающие и вселяющие тоску и страх, рано или поздно окончатся.

В тот день солнце выглянуло с самого утра. И то, что наступило утро, он в первый раз за долгое время определил не по безотказным «командирским» часам, которые он по привычке регулярно заводил раз в двенадцать часов, а по ласковому лучику, пощекотавшему его плохо выбритую щеку. Он поморщился, открыл глаза, улыбнулся и перелег на другой бок. Вдруг, осознав, что именно его разбудило, Захар рывком поднялся с кровати и посмотрел на окно. В сумерках крепкие ставни казались монолитными и непроницаемыми, но стоило выглянуть солнцу, как его игривые посланцы сразу же нашли себе щелку. Он покачал головой, думая о том, что ставни надо бы подогнать плотнее. Осторожно, стараясь не разбудить своих девочек, вышел в кухню.

Поставил греться воду и, достав бритвенные принадлежности, с ненавистью посмотрел на опасную бритву. Так и не получилось приноровиться к ней за все это время, и, если бы не Анята, Захар не брился бы вообще. Теплее, и раздражения нет.

Кое-как соскоблив щетину, отросшую за сутки, он снова заглянул в спальню. Его девочки так же безмятежно спали. Проскочила шальная мысль разбудить их, пусть полюбуются на солнце, но передумал. Даринку что-то беспокоило, и Аня всю ночь проспала вполглаза, нормально заснув лишь под утро. Пусть поспят еще. А он пока проверит силки.

Одевшись, вышел в гараж. Верная «Ямаха», не первый год служившая верой и правдой в суровейших условиях эксплуатации, стояла посреди помещения. Глядя на снегоход, Захар восхищенно прищелкнул языком. Ну вот умеют же японцы делать! С самой Срани – ни техобслуживания, ничего. И не ломается же! Его познания в механике дальше долива масла и замены свечей не заходили, так что он представить не мог, что будет делать, если верная техника все же сломается. Ай да мастера, ай да инженеры... были. Учитывая количество атомных электростанций на сейсмически нестабильных островах, после первой же бомбы от Японии наверняка мало что осталось. Только такие вот памятники человеческому гению, как его снегоход.

Генератором в качестве источника электроэнергии они не пользовались уже давно. Лампочек и прочего расходного добра в городе хватало, а вот с солярой было сложно. Нет, раньше проблем не было, но в прошлом году сгорела единственная в городке заправка, на которой он до этого и добывал топливо, так что пришлось вернуться к способу добычи горючего из баков машин. Соляра там была выдохшаяся от времени. Очень часто приходилось по пять минут насиловать стартер, чтобы завестись. Но приходилось пользоваться тем, что имелось в наличии.

Стараясь оттянуть неизбежный момент, когда топливо закончится совсем, Захар все больше ходил на лыжах. Раньше не любил и не умел, а теперь... Не сказать, что он влюбился в коньковый ход, но вот наблатыкался в этом нелегком способе передвижения знатно. Но

сегодня ему надо проверить дальние силки, и поэтому он возьмет снегоход. Иначе до темноты вернуться не получится.

Открыв ворота гаража, он выкатил снегоход. Вытолкав машину подальше от двора, чтобы не будить девочек шумом мотора, вернулся и закрыл ворота. Усевшись в седло, он посмотрел на небо. Так долго, как сегодня, солнце еще не светило ни разу за все это время. Заведя «Ямаху», он покатыл в лес, понемногу набирая скорость и улыбаясь каким-то своим мыслям. Настроение было приподнятым.

День определенно удался. Захар возвращался назад с полным мешком добычи. Ни один силок не был сегодня пустым. Видимо, тоже радуясь появлению солнца, шестилапые, чуть ли не гурьбой шастали по своим тропам, где закономерно попадали в Захаровы силки.

Впервые шестилапый заяц попался в силок месяцев восемь назад, после продолжительного отсутствия дичи. Тогда Захар посчитал его больным и выпустил ушастого. Но через пару дней в другой силок, расположенный довольно далеко, снова попался шестилапый. Он никак не мог быть тем же, и Захар задумался. Через два-три месяца редкостью в силках стали уже обычные четвероногие зайцы. Это наводило на мысли не о случайных уродствах, но об устойчивой генетической мутации. На некоторое время это ввергло его в панику. Зайчатина составляла их основной рацион, так как птиц практически не было, да и охотник из него был так себе. Хотя охотиться пробовал он неоднократно – но, увы, безрезультатно. Зверье будто ушло куда-то. Только зайцы и бегали, да по утрам иногда неподалеку от заимки следы видел, на волчьи похожие. И с мишкой едва не столкнулся. Ну, он так думал, что с мишкой. Кто еще в чаще так ворочаться может? Захар выяснять не стал, просто уехал оттуда, да и все. Береженого бог бережет. Так что перспектива остаться без мяса его не порадовала. Другой еды не предвиделось. Суровая зима затянула дальние озера толстым льдом, и, даже если в них и осталась рыба, неизвестно, что с ней. Во всяком случае, желания ехать за двести километров по сумрачной, постыжерной тайге только ради эксперимента у Захара не было. Как ехать в город, оставляя девочек одних.

На некоторое время он воздержался от охоты, надеясь, что все придет в норму, но, когда запасы замороженного мяса стали подходить к концу, он понял, что деваться некуда. Поймав шестилапого зайца, Захар привез его домой и произвел вскрытие. Внутренне шестилапый ничем не отличался от своих четырехлапых собратьев. Все органы выглядели обычно. Но все равно, сначала он изловил в подвале крысу и скормил ей большой кусок зайчатины. Спустя сутки с крысой все было нормально, но ради чистоты эксперимента Захар кормил ее зайчатинной, пока та не закончилась. Никаких изменений с крысой не произошло, разве что брюшко ее стало круглее, и грызун заметно обленился. Тогда на семейном совете было принято решение вернуть зайчатину в качестве главного блюда на стол. С тех пор шестилапые прочно вошли в их меню.

«Ямаху» слегка потряхивало, солнце все еще поднимало настроение и настраивало на лирический лад. Внезапно в шум двигателя вкрался какой-то посторонний звук. Захар насторожился. Да, определенно, был слышен какой-то стрекот. Выжав тормоз, он заглушил двигатель и остановился. Звук шел со стороны заимки и постепенно удалялся в сторону города. Он бы сказал, что так шуметь может вертолет, но звук был гораздо тише и шел явно не сверху. Им овладело беспокойство, повернув стартер, он снова завел снегоход и, постепенно набирая скорость, устремился к дому.

Захар понял, что дома не все ладно, едва завидев ворота. Обе их половинки были распахнуты настежь, чего не могло быть ни при каких обстоятельствах. Пока мужа не было, Анна ни в коем случае не вышла бы во двор сама и тем более не открывала бы ворота. У них существовали твердые правила, которых жена строго придерживалась. Он выкрутил ручку газа до упора и буквально влетел во двор. Теперь у него не оставалось сомнений: случилась

беда. Крепкая входная дверь болталась на перекошенных петлях. Соскочив со снегохода, Захар бросился в дом и первым, что он увидел...

Даринка лежала в снях в луже крови, рядом валялся окровавленный туристический топорик. Его топорик. Такой удобный, с прорезиненной ручкой. Внутри него будто что-то оборвалось. Он упал на колени рядом с трупиком дочери и застыл, обхватив голову руками. Так, раскачиваясь из стороны в сторону, просидел довольно долго. Постепенно его рассудок все больше затуманивался. Но вот он встал и завертел головой по сторонам в поисках жены.

– Анна! Аня! – Его крик был больше похож на рев раненого медведя. Медленным, тяжелым шагом он вошел в дом.

Жену он нашел в спальне. Руки и ноги ее были привязаны к спинкам кровати бельевым шнуром, одежда порвана. Глумились над ней, судя по всему, не один час, и с большим знанием дела. Медленно, как во сне, Захар приблизился к изголовью кровати и стал возле нее на колени. Анна не дышала.

– Сейчас, милая, сейчас... – бессвязно бормоча, он ощупывал ремень в поисках ножа.

Дрожащие пальцы долго не могли справиться с клапаном самодельных ножен. Достав, наконец, клинок, разрезал веревки и прижал голову жены к груди. Просидев так несколько минут, он аккуратно уложил жену на подушку, встал и заботливо прикрыл ее валявшимся на полу одеялом. Постояв с минуту у кровати, резко развернулся и вышел прочь из комнаты. Во взгляд вернулась ясность, а движения стали экономными и выверенными, словно у робота, четко настроенного на выполнение заложенной программы. Проходя через сени, он, не останавливаясь, поднял окровавленный топор и засунул его за пояс. Подойдя к снегоходу, одним движением сорвал с багажника мешок с тушками шестилапых и отбросил его в сторону. Засунув руку в карман, убедился в наличии патронов, забросил ружье за спину. Пинком завел снегоход и вывел утробно зарывавшую машину со двора. Следы трех полозьев четко отпечатывались в глубоком снегу. Захар опустил на глаза защитные очки и выкрутил ручку газа.

Он несся по заснеженному лесу, привстав на сиденье и вздымая тучи снежной пыли. Еще никогда он не использовал весь потенциал двигателя дряхлеющего японца. «Только не подведи, только не заглохни, милый!» – шептал он про себя, обращаясь к мотору. Бездушной технике как будто передались эмоции хозяина, и она, ровно ревя мотором, нетерпеливо глотала километр за километром. Машина, на которой уходили преследуемые, была явно перегружена и оставляла глубокий, хорошо различимый след. Вот он вильнул, и Захар вылетел из зарослей. Теперь слева от него находилась ровная стена деревьев, которая, мелькая, сливалась в зелено-коричневую ленту, а справа – довольно крутой обрыв, по дну которого извивалась скованная льдом лента реки. А впереди... впереди, всего в паре километров от него, не спеша удалялись большие аэросани. Захар еще прибавил ходу, выжимая из надсадно ревающего двигателя все, на что тот был способен, и расстояние между снегоходом и аэросанями стало быстро сокращаться. Огромный вращающийся пропеллер транспортного средства полностью закрывал Захара от сидящих в кабине, и он не преминул этим воспользоваться. Когда до саней оставалось с десятков метров, он вытащил из-за пояса топор и что было сил бросил его, больше полагаясь на удачу, потому что точно прицелиться на такой скорости было практически невозможно.

Топор влетел аккурат между прутьев защитного кожуха, и пропеллер, вращающийся с бешеной скоростью, со всего размаху ударился лопастью о стальное топорище. То, что произошло дальше, заняло считанные секунды. Пропеллер сорвало с ротора, и он, с гулом рассекая воздух, отлетел в сторону. Аэросани, двигатель которых заклинило на полном ходу, развернуло, и они, моментально потеряв устойчивость, закувыркались, сминая легкую дюралевую кабину и не оставляя пассажирам шансов. Расстояние между снегоходом и тем, что некогда было аэросанями, стало стремительно сокращаться, и Захар, как можно точнее

выправив снегоход, направил его прямо в искореженную кабину. После этого он перекинул ногу через седло и боком, довольно неуклюже, свалился с мчащегося японца. Неожиданно твердый снег больно ударил в плечо, выбивая его из суставной сумки, и разодрал незащищенное лицо. Захара швырнуло с обрыва, и он кубарем полетел вниз. Последнее, что восприняли его органы чувств, была яркая вспышка и грохот взрыва. Потом был мощный удар головой, и сознание погасло.

Очнулся он от холода. Трудно было сказать, сколько прошло времени, но скорее всего, немного, так как темнеть еще не начало. Он попробовал пошевелиться, и резкая боль пронзила плечо. Выругавшись сквозь зубы, Захар попытался сесть. С трудом, но ему это удалось. Он сидел на льду в нескольких метрах от берега. Откос был довольно крутым, и подняться на него, пользуясь только одной рукой, нечего было и думать. Захар попробовал встать. Тяжело поднявшись, побрел к одинокому деревцу, ветви которого нависли над рекой. Подойдя к нему, он некоторое время смотрел на тонкий ствол, а потом, примерившись, что было сил ударил по нему большим плечом. Раздался треск становящегося на место сустава, руку обожгло, и, не выдержав, он заорал. Громкий вопль боли разнесся над рекой и заметался эхом, отражаясь от высоких берегов.

Когда боль стихла, он попробовал пошевелить рукой. Получилось. Рука слушалась плохо, но слушалась, и это было главным. Пошарив вокруг взглядом, Захар увидел свое ружье, которое выронил, катясь по откосу. Лесник сделал пару шагов, и его вырвало. Голова пошла кругом, в ушах послышался легкий звон. Новый приступ мучительной тошноты заставил его упасть на одно колено. Зубами стянув рукавицу, он зачерпнул горстью холодный снег и протер лицо. Снег окрасился в розовый. Лицо он подрал знатно.

Попытавшись встать, он снова рухнул на колени. Мутило безбожно. Налицо сильное сотрясение. На четвереньках Захар добрался до ружья, и, опершись на приклад, как на посох, в очередной раз выпрямился. Голову как будто сдавило тисками, пульсирующая боль, рождающаяся в районе затылка, добиралась до желудка, чтобы превратиться там в страшную тошноту. Он постоял так несколько минут и, когда окружающий мир прекратил кружиться бешеной каруселью, поковылял к обрыву. Он не представлял, как будет подниматься. Знал только, что это ему необходимо, ведь у него там остались незавершенные дела. Подойдя к склону, он одной рукой оперся о него, а другой попытался закинуть ремень ружья через плечо. Это удалось сделать лишь с третьей или четвертой попытки. Еще раз набрал снега и вновь растер им лицо. Стало чуть полегче. Следующую порцию снега он отправил в рот. От ледяной свежести заломило зубы, и тошнота отступила. Тогда Захар отцепил от пояса нож и, используя его как альпеншток, начал восхождение.

Сколько времени занял подъем, он не помнил. Помнил только, что несколько раз, добравшись почти до середины, он срывался и на животе скатывался вниз. Руки его окоченели, снег набился в унты, за пазуху изорванного полушубка, и, возможно только от этого холода, он ни разу не потерял сознание. Когда он наконец перевалился через края обрыва, то долго лежал, перевернувшись на спину и жадно глотая холодный воздух.

Наконец, он пришел в себя, попытался встать. Как ни странно, но получилось это у него гораздо лучше, чем внизу. Он стоял, опершись на ружье, и оглядывал плод трудов своих. Остатки снегохода и аэросаней догорали, отчаянно коптя пластиком. Захар тяжело поднялся и, хромя и покачиваясь, пошел в ту сторону. От саней к лесу тянулась полоса примятого, окровавленного снега, – видимо, от сильного удара кого-то выбросило из саней, и при взрыве он не погиб. Хм. Тем хуже для него.

Опираясь на ружье, сильно припадая на правую ногу и периодически встряхивая головой, чтобы прогнать тошноту, он пошел по следу. Далеко идти не пришлось. У самой границы леса, тяжело и хрипло дыша, лежал лицом в снег мужчина. Заслышав шаги, он зашевелился и попытался перевернуться на спину. Получилось это у него далеко не с первой

попытки. Захар внимательно посмотрел на мужичка. Да. Именно так. Мужичок. Небольшого роста, плюгавенький, фиксатый рот приоткрыт, жадно втягивая воздух. Волосы коротко пострижены, явно по устоявшейся привычке, некрасивое лицо же, наоборот, покрыто густой щетиной. Синие ватные штаны и такая же телогрейка призваны были защищать хозяина от холода, но, видимо, справлялись с этой задачей из рук вон плохо, так как сверху на телогрейку была напялена Захарова «аляска». И гадать, откуда она у него взялась, не приходилось. Довершали наряд «говнодавы» характерного вида. Да и сам мужичонка вида был самого что ни на есть характернейшего. Захар на таких насмотрелся. В лагере.

– Э! Мужик! Мужик! Помоги!

– Конечно! О чем речь! Сейчас помогу! – Дружелюбно воскликнул Захар, широко осклабился и, вскинув ружье, выстрелил.

Заряд дроби разворотил мужичонке колено, и окрестности огласил дикий вой, от которого Захар брезгливо скривился.

– Ща еще помогу, браток, потерпи немножко. – с этими словами он перезарядил ружье, развернулся и поковылял назад, туда где все еще дымили остатки техники.

Проходя мимо саней, он заглянул в кабину. Из шести мест заняты были три. Водитель превратился в кровавый фарш с обломками костей, торчащими из тела. Двое пассажиров, как с удовлетворением отметил Захар, похоже, просто не смогли выбраться и сгорели заживо, пока он валялся в отключке. Сохранившиеся на трупах фрагменты одежды, такой же, что и на Плюгавеньком, окончательно подтвердили Захаровы предположения.

Зэки. Колоний тут вокруг множество, и сейчас, поразмыслив, он даже удивился, как это за все время ни разу не довелось столкнуться с их контингентом. Наверняка, паника, холод и тьма убили далеко не всех. Возможно, многие подошли по собственной глупости, задав деру в первые же сутки наступления Срани, когда личный состав был слишком растерян и напуган. Такие далеко не ушли, став жертвами радиоактивных осадков. А эти же были более умными. Наверняка, власть на зоне, где они приятно проводили время, захватили такие же «синие» и, перебив вертухаев, устроили свое маленькое государство. А теперь, дождавшись солнца и потепления, двинули, кто куда. И где-то же раздобыли такой экзотический транспорт! Захар отошел на пару шагов и еще раз взглянул на аэросани. На закопченном, измятом ударом дюралевом борту все еще читалась надпись: «СССР. Наркомсвязь № 2». Ни фиги себе. Раритет, епта.

Захар сплюнул в снег кровью и побрел дальше. Несколько минут поисков – и он нашел, то, что искал. Топор, оборвавший жизнь Даринки и трех беглых зеков валялся в снегу, неподалеку от оторванного пропеллера аэросаней. Захар подобрал его и, пошатываясь, пошел обратно. Когда он вернулся к Плюгавенькому, тот уже не выл, катаясь по земле, а лишь тихонько поскуливал.

– Ну что, браток, живой еще? – Захар взглянул в затравленные глаза зека.

Тот лежал, не говоря ни слова.

– Живой, спрашиваю? – Захар нахмурился, и Плюгавенький отчаянно закивал. Уж очень страшен был этот еле держащийся на ногах мужик, с разодранной до мяса, обмороженной рожей.

– Это хорошо, что живой. Зовут-то тебя как? – Не увидев никакой реакции, он приблизил свое лицо вплотную к перекошенной от страха и боли хारे Плюгавенького, и вдруг оглушительно рявкнул: – Как звать, говори, сука!

– Во-о-ва... – выдавил Плюгавенький.

– Вот. Так-то лучше. – Он снова наклонился к зеку и участливо поинтересовался:

– Сильно болит-то, Вова? – Не услышав ответа, он вдруг подался вперед, наступил унтом на израненное колено «сидельца». Дожидаясь, пока дикий крик умолкнет, он уселся прямо в сугроб и, достав из-за пазухи потрепанный кисет, стал мастырить «козью ножку». –

Вижу, сильно болит. Ай-яй-яй. Тебе срочно нужна квалифицированная помощь. – Он глубоко затянулся и выдохнул дым раненому в лицо. – Но тебе, Вовик, несказанно повезло. Я – врач. Более того, я не какой-нибудь терапевт, который тебе сейчас что мертвому припарки. – Он снова выпустил дым и засмеялся собственной шутке. Смех, правда, очень быстро перешел в надсадный кашель. – Я, Вовик, как раз тот, кто тебе и нужен. Хирург я, хотя и не совсем состоявшийся. И сейчас буду делать тебе операцию. Анестезиолога, правда, боюсь, мы не дождемся, поэтому начнем без него.

Он выплюнул в снег докуренную самокрутку, снял с пояса нож и поинтересовался:
– Скажи, Вовик, что ты знаешь о боли?

Ночная тайга резко отличалась от той, к которой он привык. До Срани она была совсем другой. То олень проломится вдалеке через заросли, то, взметая снег, взлетит напуганная человеком ночная птица, то заяц перебежит тропинку. Раньше лес был наполнен звуками. Теперь же всего этого не было. Нет, лес не умер, он будто бы погрузился в летаргический сон. Захара окружала пугающая тишина, которая буквально физически давила на уши. Лишь потрескивали от мороза ветки, да поскрипывал снег под унтами. Только сейчас он понял, насколько же замерз и проголодался. Солнце исчезло еще несколько часов назад, будто бы не желая слушать крики Вовика, периодически оглашающие окрестности. Захар постарался, чтобы насильник и детоубийца испытал весь существующий спектр болезненных ощущений, а когда ему надоело – оборвал мучения зэка тем же топором, которым кто-то из них убил Даринку.

Захар поймал себя на том, что, вспоминая об этом, он улыбается. Что ж, каждый мутирует по-своему.

Он остановился, тяжело дыша, и огляделся. Хорошо, хоть снег не пошел, и следы снегохода и азросаней служили ему указателем направления, иначе он давно бы уже заблудился. В горячке погони он даже не заметил, сколько отмахал. Так то – на снегоходе, а теперь весь путь ему предстояло преодолеть пешком. Ладно, хватит отдыхать. Ножками, ножками.

Он шел, механически переставляя конечности, спотыкаясь, проваливаясь в сугробы. Мороз крепчал, и Захар двигался вперед, не давая уставшему организму поблажек и больше не останавливаясь для отдыха. Бывший лесничий знал, что если он остановится, то не сможет удержаться и сядет. А сев – уже не поднимется. Когда-то ему доводилось находить таких «подснежников». Самое страшное, что человек сдавался, когда до цели, до долгожданного тепла оставалось совсем ничего. Захару не хотелось, чтобы его постигла та же участь, и он упрямо шел вперед. Выбитое плечо нестерпимо ныло, ободранное лицо кололи тысячи иголок. Видимо, в придачу ко всему он еще и обморозился. Весело, ничего не скажешь.

Очередной поворот. Захар обернулся. Ему показалось, что сзади мелькнула какая-то тень. Мелькнула и скрылась в зарослях. Возвращаться и проверять уже не было сил, и он, плюнув, двинулся дальше.

След. Сугроб. Упал. Встал. Шаг. Еще. Колено подломилось. Упал. Встал. Упор ружьем. Шаг. Еще. Еще один. Вперед. Осталось немного. Дом. Тепло. Шаг. Сугроб. Упал. Сил встать нет.

Захар лежал ничком и пытался найти в себе силы. Их почему-то не находилось. Ему послышался скрип снега, как будто кто-то к нему приближался. Захар попытался поднять голову. С трудом, но это ему удалось. Лапы. Четыре. Мощные. Покрытые шерстью. Он поднял голову выше и столкнулся взглядом с голодными глазами, горящими желтым огнем. Волк. Здоровый, собака.

– Ну, что смотришь? Жрать меня пришел? Санитар леса хренов. Че ж ты не напал, когда я на ногах стоял, а? Боялся? Боялся, я тебя спрашиваю?

Захару было уже все равно. Наплевать на все. Только сжигала обида. Ведь он почти дошел.

– Че молчишь? Ты ж хозяин леса! Королем ходить должен! А ты по кустам от меня шхерился. Ну, давай, чего уж там. Жри. Жри меня, падла!

Захар повысил голос. Волк подступил на шаг и угрожающе зарычал.

– Че рычишь? Напугать меня хочешь? А не получится! Не боюсь я тебя! А знаешь почему? Потому что это больше не твой лес. Не твой, понял? Иначе ты бы по кустам не жался, не выжидал, пока я упаду! А я тебе скажу, отчего так. Потому что ты сам боишься! Боишься тех, кто придет, когда упадешь ты!

Не отводя от волка взгляда, Захар приподнялся на одной руке.

– Ты больше не хозяин здесь, понял? – он встал на одно колено и стал шарить вокруг руками в поисках ружья. – Да, ты не хозяин. А знаешь, кто теперь хозяин этого леса? – Он наконец нашел ружье, и обмороженные руки сомкнулись вокруг холодной стали ствола. – Я! Здесь! Хозяин! – с диким криком Захар вскочил на ноги и что было сил размахнулся ружьем.

Используя его как дубинку, он ударил тяжелым прикладом в голову опешившего волка. Мощный удар (и откуда только силы взялись!) пришелся точно в висок, и только что чувствовавший себя хозяином ситуации хищник тяжело рухнул в снег. Не теряя ни секунды, Захар выдернул нож, еще не очищенный от крови Вовика, и, упав всем весом на зверя, вонзил клинок тому в горло. Еще и еще. Горячая кровь брызгами разлеталась во все стороны, а он упоенно кромсал волка, безумно хохоча и выкрикивая с каждым новым ударом:

– Я! Здесь! Хозяин!

Он не помнил, как дошел до заимки. Помнил только вкус горячей волчьей крови во рту, когда он впился в разорванное горло зверя. Видимо, сделал он это уже чисто интуитивно. Всплыло в подсознании что-то из Джека Лондона. Или еще откуда. Это ли помогло, или еще что – неизвестно. Во всяком случае, он выжил и даже добрался до дома.

Заматавшись в мохнатый плед, Захар лежал на диване в гостиной, прямо в одежде, скинув в полубессознательном состоянии лишь унты. Его лихорадило. Котел давно затух, и при каждом вздохе изо рта его вырывались облачка пара. Через силу поднявшись, он, охая от боли и холода, побрел в гараж, натываясь в темноте на предметы. В гараже на ощупь нашел керосиновую лампу и запалил ее. Подумав, подошел к генератору, прихватив по пути канистру с соляркой, и вылил ее в резервуар. Нажал на кнопку стартера. Ничего. Видимо, сдох хиленький аккумулятор, использующийся для старта. Ну, ничего, мы не гордые, мы и вручную заведем. Пошарив под генератором, нашел ручку дросселя и резко дернул ее на себя. Ух, ты ж, м-мать! Плечо стрельнуло, и перед глазами заплясали разноцветные огоньки. Нет, так дело не пойдет. Захар взялся другой рукой и повторил процедуру. Получилось. Отказоустойчивый механизм чихнул дымом, рыкнул пару раз и ровно затарахтел. Под потолком затеплилась лампочка.

Да, топливо теперь экономить незачем. Захар отправился к котлу. Положил бумагу, несколько щепок, зажег спичку, и вскоре сухие, как порох, дрова уже весело трещали, объятые пламенем.

Скинув изодранный, окровавленный полушубок, он нацепил старый ватник, валявшийся на верстаке, и, прихватив лопату, отправился за дом.

Копать он закончил к утру. Физическая работа разогнала кровь по жилам, и теперь чувствовал он себя гораздо лучше. Физически. Несколько раз за ночь возвращаясь в дом, то за ломом, то заменить сломанную лопату, то просто подкинуть дров в котел, он входил только через гараж, избегая даже смотреть в сторону сеней. Он не знал, хватит ли ему душевных

сил собственноручно закопать двух самых близких для него существ. Настало время это проверить.

Все прошло гораздо лучше, чем он ожидал. Более того, теперь, стоя над двумя свежими холмиками земли, он не испытывал каких-то сильных эмоций. Была лишь опустошенность и ощущение, что на всей планете остался лишь он один. И холод. Не снаружи, нет. Холод поселился в его душе. И вряд ли найдется что-то, что заставит этот холод отступить.

Постояв так некоторое время, Захар тяжело вздохнул и, волоча за собой лопату, пошел в дом. Вот и перевернута очередная страница летописи его жизни. Что будет написано на следующей? Кто знает...

Глава 2. Разделяй и властвуй

Захар сидел на крыльце и нервно затягивался самокруткой. Таких реальных снов ему не снилось уже очень давно. И черт бы с ним, вот только в этом сне к нему пришла Аня. Такая, какой он ее видел в последний раз. И он мог бы поклясться, что это не сон! Аня, одетая в то самое, ее любимое, платье, в котором он ее хоронил, вошла в спальню, где, не раздеваясь, спал Захар. Подошла и села рядышком. Смотрела так ласково, гладила по лохматой голове, по давно не бритым щекам, а потом заговорила:

«Уходить тебе нужно, Захарушка. Да побыстрее. А иначе – смерть».

Захар хотел сказать, что он не боится смерти, что после их гибели ему и жизнь не мила, что сам не знает, для чего до сих пор живет, но язык будто присох к небу.

«Я все знаю, – снова зазвучал голос жены, такой знакомый, будто в последний раз он слышал его не восемнадцать лет назад, а всего лишь несколько часов. – Не для того ты жить остался, чтобы в глухой тайге от пули загнуться. Собирайся и уходи утром. Не медли, а то поздно будет».

Наклонилась к нему, нежно поцеловала в щеку и ушла. И тут же он проснулся. Ощущение ирреальности происходящего не покидало его. Такое впечатление, что он и не спал вовсе, будто не сон это был, и действительно приходила к нему Аня. Чтобы предупредить и уберечь. Но ведь такого не может быть! Или может? Может, его собственное подсознание говорит ему таким образом о какой-то опасности? Ведь практически звериное чутье, обострившееся до предела за годы одиночества, еще ни разу не подводило его! Может, неспроста глухая тоска раздирает душу на части с того момента, как проснулся?

Захар затаился в последний раз и швырнул окурок в ведро возле ступеней. Опасность... Гм. Неужто добрался до своих солдатик-то? И что, мстить теперь придут? Вполне возможно. В принципе, Захару все равно, можно и остаться, подождать, повоевать малость. Какое-никакое – а развлечение все ж. Смерти Захар действительно не боялся, он и жил-то теперь исключительно по инерции. Но этот сон... А, была не была!

Захар смачно плюнул в снег и пошел в дом. Собирается. Пересек сени, зашел в гараж. Потянул с верстака рюкзак, повернулся выходить. Взгляд зацепился за стоящий в углу автомат Калашникова. Захар взял оружие в руки, нежно провел рукой по вороненому стволу и улыбнулся. Да, не спиртом единым...

Когда Захар вошел в лес, уже порядком стемнело. Крики солдатиков, ищущих своего непутевого друга, переместились дальше от заимки. Его они, видимо, не услышали. Может, ну их? Нет, вон орут как, настырные! Еще яму найдут, тогда точно покоя не будет. Стараясь ступать потише, Захар лешим крался среди деревьев, ориентируясь на звук. Несмотря на внушительные рост и вес, лесник передвигался практически бесшумно. Вот он остановился и, наклонив голову набок, стал прислушиваться. Постоял так минуту-другую и, удовлетворенно кивнув самому себе, снова двинулся вперед, немного изменив направление движения. Чем ближе подходил он к месту, которое для себя отметил как подозрительное, тем больше он походил на гигантского хищника, вышедшего на охоту. Впрочем, так оно и было, разве что оружием служили не зубы и когти. И вот уже можно различить голоса. Захар опустился на корточки и на четвереньках нырнул под раскидистую ель, могучие лапы которой надежно укрыли его от посторонних взглядов. Чуть слышно раздвинув ветки, он выглянул и с трудом сдержал ругательство. Ну, точно! Вот, как в воду глядел!

Солдатов было двое, и они стояли на краю ямы. Снегопад, так резко начавшийся было час назад, также внезапно прекратился, и снег не мог скрыть следов его недавнего посещения захоронения.

Солдаты негромко переговаривались. И если первый был как брат-близнец похож на того неудачника, труп которого Захар не так давно сбросил в яму, то второй... Его непохожесть на остальных, виденных Захаром в здешних местах, прямо-таки бросалась в глаза.

Во-первых – рост. Боец был одного роста с Захаром, а это значило, что два метра в нем точно есть. Во-вторых – обмундирование. В отличие от обычного зимнего «хэбэ», в которое были одеты все умерщвленные Захаром солдаты, на нем красовался превосходный зимний камуфляж, идеально подогнанный по фигуре. Захар такого не застал, но, кажется, именно его называют заграничным словечком «адаптивный». Бело-серых тонов разгрузочный жилет, почти сливающийся с курткой, ботинки с высокими берцами такой же расцветки. На голове, вместо привычной «ушанки» – камуфлированная шапочка. Лесник был готов поспорить, что, случись необходимость, странный боец одним движением превратит ее в маску с прорезями для глаз. Но не это главное. Главным же отличием от всех бойцов, виденных Захаром в округе ранее, было то, что этот оказался вооружен. Да-да! Как бы ни парадоксально это звучало, ни у одного из солдат, «делившихся» с бывшим хирургом своим имуществом, не обнаруживалось оружия! Даже ножа! Захар много размышлял в свое время над этим фактом, но так ни к чему и не пришел, приняв это как данность. У этого же через плечо висел автомат, и не допотопное «весло», а что-то из более поздних моделей. И это делало солдата в разы опаснее. Именно поэтому он умер первым.

Захар, стараясь даже не дышать, просунул ствол ТОЗа меж заснеженных ветвей и в тот момент, когда боец открыл рот, собираясь что-то сказать своему подчиненному (именно подчиненному, в этом Захар не сомневался ни секунды), лесник нажал на спусковой крючок.

В царившей тишине звук выстрела прозвучал, подобно грому. Заряд дроби, выпущенный с расстояния в пару метров, практически начисто снес бойцу голову. Фонтан темной крови из разорванных артерий взметнулся вверх, заливая все вокруг. Второй солдат, лицо которого вмиг покрыли алые капли, только беззвучно раскрыл рот. Не давая ему времени на отчаянный вопль, который уже готова была исторгнуть глотка перепуганного рядового, вторым выстрелом Захар разворотил ему грудь. Кинетический импульс, приданный бедолаге зарядом дроби, швырнул его в яму.

На все про все ушла пара секунд. С треском проломившись сквозь ветки, Захар выскочил из своего убежища и успел схватить начавшее клониться тело странного бойца за буксировочную петлю на разгрузке. Ему совсем не улыбалось лезть за трофеями в яму. Схватил – и замер. Потому что бойцов было не двое. Их оказалось трое, и этот третий сейчас перепуганными глазами глядел на Захара, высунувшись из кустов. Такой же рядовой, как тот, который в агонии дрыгал ногами на дне ямы. Круглые, вытаращенные глаза, без малейшего проблеска мысли, замызганная «хэбуха» и длинная нить тягучей слюны, прилипшая к подбородку. Видимо, узрев на дне ямы своих сослуживцев в столь непотребном виде, солдатик решил как можно скорее избавиться от содержимого своего желудка. А так как воспитание не позволяло ему блевать в присутствии старшего по званию, он нырнул в кусты, что, в конечном итоге, и спасло ему жизнь. Теперь же он пялил на Захара испуганные буркала и, отходя от шока, понемногу пятился. Через секунду, видимо, окончательно придя в себя, рядовой резко развернулся и что было сил припустил вглубь темного леса, петляя, как заяц.

Захар растерянно переводил взгляд со спины рядового на разряженную двустволку, из стволов которой до сих пор курился легкий дымок, и опять на спину бойца. Спустя несколько ударов сердца, беглец окончательно растворился в сгущающейся темноте, и Захар смачно выругался. Если бы он сработал чисто, то, возможно, эту троицу никто и не стал бы искать, а если даже и искали бы – не факт, что наткнулись бы на заимку. И даже если наткнулись бы – поди докажи, что нелюдимый лесник в драном тулупе как-то причастен к исчезновению трех солдат, один из которых – ну чисто с экрана телевизора сошел. А теперь... Теперь они пойдут целенаправленно, и чем все это закончится, достаточно очевидно для того, чтобы строить

какие-то иллюзии на этот счет. Захар еще раз выматерился, пихнул обезглавленное тело в снег и уселся рядом. Через минуту он уже вовсю дымил самокруткой, а тяжелые складки на его лбу говорили о том, что мозг занят нешуточным мыслительным процессом.

* * *

Когда-то это место было запасным командным пунктом. Когда армию в очередной раз реформировали, и все ЗКП были исключены из структуры боевого управления РВСН, этот ЗКП также был снят с боевого дежурства. По официальной информации его не существовало, но в закрытых документах появился некий «Объект 847», являющийся по номенклатуре малым хранилищем Росрезерва. Ну а если у кого было желание копнуть глубже и имелся соответствующий допуск, те могли узнать, что и это не основное назначение бывшего командного пункта. «Объект 847» также был испытательным полигоном для обкатки альтернативных источников энергии. Правда, обслуживающий персонал, слыша такое громкое название, только морщился и фыркал.

В начале двадцать первого столетия командование, то ли распиливая очередной бюджет, то ли проникшись всеобщей вялотекущей паранойей по поводу возможной ядерной войны, выдало распоряжение по внедрению на все автономные объекты безопасных технологий самообеспечения. Одной из таких технологий и стал образец энергоустановки на твердооксидных топливных элементах для стационарного применения, а говоря проще – биогазовый генератор нового поколения. Ну а если совсем простым языком – под землей была обустроена самая настоящая свиноферма, отходы которой и обеспечивали нужды бункера электроэнергией. В идеале – это был замкнутый цикл, обеспечивающий свет, тепло и питание для личного состава, и теоретически такой объект мог просуществовать в условиях полной изоляции неограниченное количество времени.

Маразм, конечно, но командование возлагало на эту разработку большие надежды.

И, надо сказать, она их оправдала.

Когда двадцать лет назад пришел сигнал «Ядерная атака», полковник Трегубов воспринял его как очередную учебную тревогу, но, тем не менее, действовал строго по инструкции. Загнал смену «вованов», несущую караул на подступах к бункеру, вниз, проконтролировал герметизацию створов входного люка и спустился в убежище, к личному составу. Личный состав представлял собой взвод охраны, осуществлявшейся силами Внутренних Войск МВД: два взвода солдат-срочников, и восемь офицеров, в число которых входил сам Трегубов. Матерясь сквозь зубы, он на чем свет стоит костерил про себя шутников из штаба, решивших без предупреждения устроить проверку забытому богом хранилищу. Полковник продолжал это увлекательное, но, увы, бесполезное занятие ровно до того момента, пока в командный отсек не ворвался дежурный радист с выпученными глазами и не протянул Трегубову две ленты. На одной – распечатка переговоров, перехваченных в эфире после сигнала тревоги, вторая же была расшифровкой данных с сейсмографов. Полковник взял первую и начал читать. По мере чтения, выражение лица его менялось, а кожа стремительно бледнела. Откинувшись на спинку кресла, он расстегнул верхнюю пуговицу форменной рубашки и поднял глаза на радиста.

– Это... это что?

– После объявления сигнала «Ядерная атака» я, как и предписывается, запустил оборудование в режиме сканера. Данная распечатка – это то, что удалось засечь в эфире. Над каждым радиоперехватом указано время. – Перепуганный радист вытянулся по стойке «смирно».

– Угу... – полковник снова опустил глаза к отпечатанным на принтере листкам.

«“Заря”, “Заря”, я – “Жетон”. Фиксирую множественные пуски. Запущено определение целей. Тревога не учебная, повторяю, тревога – не учебная. Примите все ме...»...

«“Сокол-1”, я – “Сокол-2”. Неопознанный борт в зоне ответственности, иду на сближение. Неопознанный борт, ответьте, или будете уничтожены! Неопознанный борт! Назовите себя! Что? Твою мать!!! “Сокол-1”!!! Это В-52!!! Это “Стратофортресс”! Запрашиваю дальнейшие указания! Запра...».

«Все! Всем! Всем! Говорит база “Север-11”! Тревога не является учебной! Повторяю! Тревога не учебная! Всем, кто меня слышит, немедленно...»

Строки поплыли перед глазами Трегубова. Кровь ударила в голову, он начал клониться вперед. Его заместитель, майор Фесенко, успел подскочить и перехватить сползающее с кресла тело.

– Чего стоишь? Воды принеси! – гаркнул майор на радиста. Это было последнее, что услышал полковник, потом наступила тишина.

Полковник Трегубов был потомственным военным. И его прадед, и дед, и отец – все посвятили жизнь... нет, не Родине. Армии. Казалось бы, как можно служить в армии, не посвящая жизнь Родине? Да легко. Нет, прадед и дед еще были настоящими офицерами, преданными служаками, но для отца будущего полковника и в дальнейшем для самого Петра Николаевича армия была лишь удобным инструментом для обогащения. Оба были тыловиками, оба имели доступ к хранилищам Росрезерва. Но не к тем, в которых в оружейной смазке, от времени превратившейся в комки твердой, сухой грязи, ржавели СКС и ППШ, предназначенные для резервистов, а к тем, где в вакууме хранились АКМ и АКС, ровными рядами стояли РПГ и ящики с выстрелами к ним. К тем хранилищам, в подземных ангарах которых стояли законсервированные БТР и БМП. Николай Наумович еще в первую Чеченскую разработал отлаженную схему, благодаря которой его банковский счет в одной из оффшорных зон пополнялся семизначными суммами, борцы за независимость маленькой, но очень гордой страны не испытывали нужды в боеприпасах, а зеленые бойцы-срочники, которых после месячного КМБ бросали в полыхающий ад городских боев, возвращались на родину в наглухо запаянных цинковых гробах.

Со временем Николай Наумович «подтянул» в «бизнес» и сына. На протяжении нескольких лет схема работала идеально. Настолько, что, даже когда разразился скандал, Трегубовы отделались малой кровью. Под трибунал, а потом и на зону пошел ничего не понимающий майор, подпись которого почему-то оказалась под всеми фигурирующими в деле документами, а Николай Наумович ушел в давно полагающуюся по возрасту отставку. Сыну повезло меньше. Петр Николаевич отправился командовать «Объектом 847». Да, неприятно, но свои люди в штабе уверяли, что это ненадолго. Как только уляжется шум, Трегубова должны были с повышением перевести на место, аналогичное старому. Год-два – и все должно было утрястись. Учитывая, что каждый из «знакомых из штаба» получал от операций Трегубовых внушительную долю, сомневаться в их обещаниях не приходилось, и Петр Николаевич Трегубов отправился в ссылку. Но, даже зная, что срок назначения рано или поздно выйдет, полковник всеми фибрами души ненавидел это место.

Сначала он даже воодушевился: еще бы, секретный испытательный полигон! Но когда он узнал, ЧТО именно испытывают на объекте «Зауралье», его едва не хватил кондрашка. Боже! Командовать свинарями! Такого позора Трегубов не ожидал. Не иначе, кто-то из недоброжелателей приложил руку к назначению. Ну, ничего! Дайте только вернуться! Год-два он в этой дыре как-нибудь переживет, зато потом... потом одна-две торговые операции – и вслед за глубокоуважаемым старшим родственником в отставку. А там – Таиланд, Кипр, да все, что душе угодно! Лишь этими теплыми мечтами согревался Трегубов длинными, зимними ночами. Вплоть до сигнала «Ядерная атака».

Первые сутки после сигнала он провел, запершись у себя в кабинете, уставившись невидящим взглядом в стену, и поглощая стакан за стаканом выдержанный армянский коньяк, создание запаса которого было первым, что он сделал, вступив в новую должность. Лишь одно распоряжение последовало от полковника, и, выполняя его, радист ни на секунду не отлучался из радиорубки, где одна радиостанция постоянно работала в режиме сканера, вторая – на прием, а по третьей охрипший и полуоглохший от треска и завываний статики радист беспрестанно пытался связаться хоть с кем-нибудь. Полковник втайне надеялся, что тревога ложная. Но кроме «белого шума» в эфире не было ничего. К середине следующего дня в дверь кабинета кто-то уверенно постучал. Не дожидаясь ответа, в комнату вошел, пригнувшись, командир взвода охраны, старший лейтенант Тарас Воронов. Окинул взглядом комнату, привычно задержал взгляд на гордости полковника – полке, уставленной боксерскими трофеями – рядом кубков, завоеванных на районных и областных соревнованиях, на перчатках, висящих на гвозде, на потертом плакате с изображением довольно скалящегося Эвана Холифилда, поднимающего над головой чемпионский пояс. Метнул быстрый взгляд на нижние полки стеллажа, уставленные бутылками с коллекционным коньяком.

– А, это ты... Проходи, садись. – Не глядя, Трегубов достал из ящика стола второй стакан и приглашающе мотнул головой в сторону второго кресла.

– Петр Николаевич. У нас ЧП.

– Какое еще ЧП? Что сейчас может вообще чрезвычайного произойти? Америкосы высадили десант в тайгу? – Трегубов невесело рассмеялся. – Садись, выпьем.

Воронов молча подошел к столу и забрал бутылку из рук собравшегося наполнить стакан Трегубова.

– Петр Николаич, кончай, а? Там правда твое присутствие требуется.

– Прямо требуется? Ну ладно, тогда пойдем.

Трегубов встал из-за стола, одернул португепю, поправил галстук и абсолютно трезвым шагом направился к выходу. Воронов пошел за ним.

Услышав этот диалог, сторонний человек предположил бы, что Трегубов не особо следит за субординацией. Однако дело обстояло абсолютно не так. Полковник был настоящим тираном и за любое нарушение жестоко наказывал. Любой другой офицер, не говоря уже про обычных бойцов, за подобное отправился бы на гауптвахту на несколько суток. Воронову же были позволены некоторые вольности. Дело в том, что Тарас был двоюродным племянником Трегубова. Видимо, самой судьбе было так угодно, чтобы родственники, не видавшие много лет, случайно встретились в забытом богом уголке заснеженной тайги. Особых чувств к Воронову Трегубов не питал, но учитывая, что окружающих он вообще ни во что не ставил и считал их недостойными общения, двоюродный племянник был едва ли единственным, с кем Петр Николаевич общался на объекте вне службы. А учитывая, что Тарас весьма недурственно играл в шахматы, к коим Трегубов питал некоторую слабость, родственники быстро сошлись на этой почве и нередко проводили свободное от вахты время за шахматной доской и бутылкой-другой коньяка на сон грядущий.

– Что случилось и куда идем?

– Сейчас сами увидите. – Обычно невозмутимый Воронов сейчас находился явно в расстроенных чувствах.

– Так иди-то куда?

– На КП, Петр Николаевич.

– Ну, пойдем, – нахмурился Трегубов.

Командный пункт был одним из парадоксов местной службы. Учитывая, что ЗКП таким больше не являлся, он был отключен ото всех стратегических линий. Но, так как специального устава для объектов подобного типа не существовало, на бывшем ЗКП продолжал действовать старый, согласно которому на Командном пункте обязательно должен был нахо-

даться дежурный офицер. Единственная польза, которую могла бы нести эта вахта – сбор сведений про обстановку на поверхности. Но то обстоятельство, что большая часть внешней аппаратуры, включая наружные камеры наблюдения, давно приказала долго жить, сводило эту пользу на нет. Однако, зная характер Трегубова, никто не рискнул даже в сложившейся ситуации забить на символическую, бесполезную вахту.

Воронов с восхищенным удивлением смотрел в спину начальственному родственнику. Широкий шаг, уверенная походка – ничто не указывало на то, что еще совсем недавно этот человек пережил тяжелейший стресс, а потом еще сутки заливал его алкоголем. Сам Тарас старался не думать ни о семье, оставшейся на «гражданке», ни о том, что же теперь, собственно делать, и как жить. До добра такие мысли сейчас не доведут, и то, что случилось в Командном пункте – живое тому подтверждение. Хотя, скорее, мертвое.

Вот мелькнула еще одна переборка, Трегубов резко дернул дверь на себя и вошел внутрь Командного пункта.

– Ну и что тут? Ага. Понятно. – Трегубов резко развернулся в сторону начальника гарнизона охраны. – И из-за этого ты меня дергал? Сами не могли управиться? Или мне убраться помочь?

Тарас еще раз взглянул на то, что находилось за спиной у Трегубова. В кресле дежурного сидел заместитель полковника, майор Фесенко. Возле кресла валялся табельный «Макаров», а обзорные экраны, за которыми, если бы ЗКП был действующим, полагалось следить дежурному, были выпачканы серо-бурым. Верхняя часть черепа майора отсутствовала.

«Ствол под челюсть нижнюю сунул, вот крышку черепа и снесло», – мелькнуло в голове у полковника.

– Точно сам? – Трегубов вопросительно взглянул на Воронова.

– Так точно, Петр Николаевич. Боец из срочников видел.

– А сейчас где он, этот боец?

– В сортире, блюет.

– Тащи его сюда.

Старший лейтенант развернулся и вышел. Трегубов подошел к пультам, вытянул из-под него второе кресло и внимательно осмотрел. Не обнаружив на нем ни брызг крови, ни ошметков мозгов, удовлетворенно кивнул, откатил кресло подальше от трупа самоубийцы, уселся в него и с явным наслаждением закурил, откинувшись на спинку.

Не успел он докурить сигарету, как в коридоре вновь послышались шаги. Первым в Командный пункт вошел бледный, худощавый солдатик. Глаза бойца испуганно бегали, а нижняя челюсть подергивалась, из-за чего складывалось впечатление, что солдат вот-вот заплачет. А может, так и было. Увидев полковника, рядовой придал своей фигурке какое-то подобие уставной стойки «смирно» и, отдав честь, заикающимся голосом доложил:

– Рядовой Кобыев! По вашему приказанию прибыл. – Из-за спины бойца раздался смешок Воронова.

– Вольно, рядовой Кобыев. – Трегубов сбил пепел прямо на пол. – А расскажи-ка мне, рядовой Кобыев, что ты на КП делал? Или у нас тут уже рядовые вахту несут?

– Нн-никкак нет, товарищ полковник! Я... пришел доложить дежурному о творящемся непотребстве, а он тут как раз... Бах! – и мозги наружу... – Боец позеленел, видно было, что слова даются ему с огромным трудом.

– Стоп-стоп-стоп, Кобыев! О каком еще непотребстве? И почему ты, а не старший рабочей смены?

– Так старший тоже там... с ними... сам...

– Что «сам»?! С кем «с ними»?! Где «там»?! – Гаркнул, не выдерживая, Трегубов. – Ты будешь внятно докладывать или продолжишь мычать?

- На ферме... пьют...
- Что??? – Полковник аж подпрыгнул.
- Пьют, товарищ полковник. Вскрыли запасы спирта и пьют... а я... а мне... Нельзя же так! Сейчас, наоборот, когда такое творится...
- Хватит – оборвал Трегубов словоблудие рядового. – Молодец! От лица службы выношу благодарность за бдительность! Воронов!
- Я!
- Дуй, возьми пару своих бойцов – и за нами. А мы пока пойдем, взглянем, чего там, на ферме, творится. Да, Кобыев?
- Так точно, товарищ полковник!
- Вольно, вольно, – осадил Трегубов опять вытянувшегося солдата. – Веди, давай.

Чтобы попасть на ферму, нужно было миновать три жилых уровня и один хозяйственный. На первом уровне находились комнаты офицеров, и так называемая кают-компания – общая комната с телевизором, шахматными досками и мягкими диванами, стоящими по периметру. Здесь в свободное от дежурства время собирался немногочисленный офицерский состав, покурить, посмотреть телевизор, сразиться в шахматы, а то и «расписать пулю». Сейчас там было пусто.

Следующий жилой уровень был отдан гарнизону охраны. Казарма, столовая, опять-таки общая комната, где проводила время свободная смена. Из казармы доносился раскатистый храп, нос полковника уловил терпкий запах портянок, заставивший поморщиться и прибавить шаг. Воронов нырнул в общую комнату, полковник же и рядовой продолжили путь.

Третий уровень был идентичен второму, здесь обитал личный состав бойцов-срочников.

Обычно шумный уровень сейчас был абсолютно тих. И ни единой живой души. Полковник нахмурился и ускорил шаг.

Хозяйственный уровень проскочили еще быстрее. Здесь находились кладовые, медсанчасть, оранжерея, призванная обновлять запас кислорода и разнообразить меню личного состава зеленью и овощами. Здесь же начинался коридор, ведущий к стальной двери малого хранилища.

В принципе, «Объект 847» можно было назвать хранилищем Росрезерва, даже малым, лишь с большой натяжкой. Настоящие хранилища создавались на глубине свыше сотни метров, в соляных шахтах, там, где естественные условия были наиболее благоприятными для хранения всего необходимого для выживания. Площади таких хранилищ могли занимать по несколько квадратных километров, и хранилось там все, от консервов до автомобилей, от автоматов до промышленных станков и запчастей к ним. Такие хранилища были призваны обеспечить всем необходимым на немаленький срок население нескольких областей, и местоположение их было строго охраняемой государственной тайной. Там не было места солдатам срочной службы, лямку тянули только кадровики войск специального назначения. «Объект 847» же по сути своей являлся тем, чем был и до переименования – запасной командный пункт, подвергшийся переоборудованию в рамках переосмысления командованием стратегии выживания после вероятного ядерного удара. Однако именно благодаря переоборудованию у персонала ЗКП имелись все шансы на достаточно комфортное выживание в условиях тотального апокалипсиса. Биогазовый генератор давал энергию для освещения, вентиляционных установок и обогревал убежище, благодаря ферме и оранжерее гарантировался запас свежего мяса и овощей, а в опечатанном складе разместились запасы продовольствия длительного хранения. Водой хранилище обеспечивалось из двух подземных скважин, так что в условиях полной автономности просидеть тут можно было не один год.

«А ведь мне нужно благодарить судьбу, за то, что в момент Удара я находился здесь, а не в своем московском кабинете», – подумал полковник, невесело усмехнувшись. Нетрудно догадаться о судьбе столицы. Наверняка, смертельный дождь из бомб и ракет с ядерной начинкой просто-напросто стер с лица земли древний город в считанные минуты. Хотя Москва и защищена системами ПВО и ПРО, их эффективность далеко не так высока, как утверждалось, и весь город сейчас представляет собой один большой радиоактивный котел. Возможно, кто-то спасется в метро, которое, по сути, задумывалось с двойным назначением, как и все серьезные объекты, построенные при Союзе, но вероятность этого была не такой уж и большой. Да, Москва расположена на сейсмически стабильном участке, но множественные ядерные удары наверняка эту стабильность поколебали, и метро затоплено и разрушено. Хотя, кто его знает.

В любом случае – о крупных городах придется забыть. Питер, Новосибир, Москва, – этот список можно продолжать долго. Полковник готов был дать руку на отсечение – во всех этих городах не осталось ничего живого. Помощи ждать неоткуда, а соответственно, нужно было думать о том, как выжить. И желательно, не просто выжить, а прожить то, что осталось, в максимально комфортных условиях. Иллюзий полковник не строил. Техники, способной перемещаться по поверхности в сложившихся обстоятельствах, не было. Если верны выкладки аналитиков, моделировавших последствия ядерной войны, наверху сейчас очень темно, холодно и опасно. Радиоактивные осадки, отсутствие видимости, низкая температура и отсутствие подготовленного к таким условиям транспорта делало любую попытку добраться хоть куда-либо заранее обреченной на провал. Да и некуда добираться было, по сути. Поэтому эти сутки после удара Трегубов не столько пил, сколько проводил отчаянный одиночный мозговой штурм. И то, что его прервали, – ему абсолютно не понравилось.

Преодолевая последний виток винтовой лестницы, ведущей в помещения фермы, полковник страдальчески скривился. Едкий запах, казалось, обжигал до самых легких. «Ну вот, теперь придется форму стирать», – эта на первый взгляд безобидная мысль внезапно неимоверно взбесила его. Напряжение последних суток требовало выхода, и эта мысль была последней каплей, переполнившей чашу терпения.

Дверь на ферму полковник открыл ногой, и то, что предстало его взгляду, заставило его и вовсе побелеть от бешенства.

Ферма представляла собой длинный коридор. С каждой стороны – по длинному загону, в каждом из которых размещалось до сотни свиней. Отдельные загородки для свиноматок, клетка племенного хряка. Запасы комбикорма, которым был забит один из коридоров хранилища, позволяли смотреть в будущее с оптимизмом – в ближайшие пару десятков лет свинкам будет чем питаться, а значит, будет чем питаться и людям. В принципе, коридор был точной копией любого колхозного свинарника, только перенесенной под землю. Правда, в обычном свинарнике в конце коридора не находился резервуар биогенератора, в который загружались отходы свиной жизнедеятельности.

Посреди коридора красовался длинный верстак, обычно стоявший в складском отделении фермы, отделенном от основного пространства перегородкой. На верстаке возвышались несколько литровых бутылей со спиртом, некоторые значительно опустевшие, на газетах разложена нехитрая закуска – овощи из оранжереи, хлеб, – и дымилась наполовину забитая окурками пол-литровая банка, используемая в качестве пепельницы. На мешках и ведрах вокруг верстака разместились оба взвода бойцов срочной службы, практически в полном составе. Не нужно было особенно присматриваться, чтобы понять, что большая часть солдат мертвецки пьяна. Некоторые из бойцов, включая и одного из сержантов, сладко похрапывали, развалившись на мешках. Длительное воздержание от алкоголя, отсутствие горячей закуски, перенесенный стресс, а главное – желание напиться сделали свое дело. Всего за

какой-то час отдыхающая и рабочая смены свинарей упились в дым, и сейчас полковнику предстояло выяснить, как это произошло.

– А, товарищ полковник! – Из-за импровизированного стола выбрался командир второго взвода, сержант Киреев, и, пошатываясь, направился к Трегубову. Не доходя пары метров, он остановился, скривился, разглядев за широкой спиной полковника съездившегося Кобыева. С фальшивым радушием, покачнувшись, сделал широкий приглашающий жест. – Присоединитесь, товарищ полковник? Коньяков с разносолами, к сожалению, не имеем, но, как говорится, чем богаты...

Трегубова трясло мелкой дрожью. Казалось, полковник сейчас просто лопнет от бешенства. Это заметили все, кроме Киреева, который продолжал кривляться.

– Так как, присядете, товарищ полковник? Помянем Землю нашу, матушку, близких с родными помянем. Или брезгуете спирт в свинарнике с рядовыми пить? – Маленькие глазки сержанта злобно блеснули, а пошедшее от спиртного красными пятнами лицо исказилось.

Быть может, будь сержант немного трезвее, он бы смог заметить удар, сломавший ему нос и отбросивший прямо на верстак. Заметить – да, отразить – вряд ли. Хотя Трегубов и был тыловиком, но за собой следил. Мало кто из заплывших жиром коллег полковника мог похвастать, что в сорок три года способен выйти на спарринг с КМС по боксу и выйти из поединка победителем. Да, дыхалка уже не та, но удары, с восьми лет оттачиваемые сначала в районной секции, а потом – с приглашенным тренером, били кузнечным молотом. В этот раз только неконтролируемое бешенство помешало полковнику отправить сержанта в глубокий нокаут, а то и убить. Удар вышел несколько смазанным, и уже через несколько секунд сержант неловко сполз с верстака. Мотнув головой, отчего во все стороны полетели кровавые брызги, Киреев нащупал сзади себя бутылку и, ухватив ее за горлышко, прорычал:

– Ну, держись, сука! Ща я тебя...

Вслед за сержантом с ведер и мешков поднялись еще несколько бойцов. Двое также вооружились бутылками, а третий взялся за ручку коротких вил, использовавшихся для уборки.

За спиной полковника громко икнул от страха Кобыев. Полковник, не теряя самообладания, потянулся к кобуре и с ужасом осознал, что она пуста. Табельное оружие осталось лежать на столе, в его кабинете! Увидев растерянность на лице полковника, сержант сделал шаг вперед и обнажил зубы в торжествующей ухмылке, больше похожей на звериный оскал.

В этот момент сзади послышался какой-то шум, и в дверной проем буквально вкатился Воронов в сопровождении двух бойцов. Все трое были вооружены автоматами. Мгновенно оценив ситуацию, Тарас рухнул на колено, передергивая затвор автомата. Его примеру последовали и сопровождающие его бойцы.

– А ну побросали все на хер! Руки в гору, шаг назад! Ну! – рывкнул старший лейтенант.

Со звоном покатались по бетонному полу бутылки, боец с вилами осторожно отставил инструмент и отошел от него. Киреев, с искаженной физиономией поставил бутылку на пол и также сделал шаг назад.

– Чего так долго? – просипел полковник.

– Разрешите доложить! – Тарас обратился к Трегубову по уставу, однако не поменял при этом позы, все так же припав к прицелу автомата и зорко наблюдая за скучковавшимися, перепуганными и уже почти протрезвевшими солдатами.

– Докладывай.

– Дверь в санчасть взломана. В подсобке найден избитый начмед. Связанный, с кляпом во рту. После освобождения доложил о нападении на него, совершенном Киреевым и еще несколькими бойцами. Опознать остальных не успел, после отказа выдать спирт, начмеда стали бить. После того, как он потерял сознание, Киреев с бойцами связали его и заперли в подсобке.

– Нападение, значит? Оч-ч-чень интересно... – протянул Трегубов. – Что имеешь сказать по данному поводу, а, Киреев?

– Пошел ты, урод! – зло выплюнул Киреев. – Весь мир рухнул, а ты все в солдатики играешь! До тебя что, не доходит? Это – все! Больше ничего уже не будет! Ничего! Чего ты от меня хочешь?! Чтобы я продолжал тут за свинками убирать? Да хрен тебе по всей морде, понял?! Родины, которой я присягу давал, больше не существует, а следовательно – я никому ничего не должен! И делаю теперь то, что считаю нужным! Ясно тебе это?!

– У вас все, сержант Киреев? – Голос полковника вмиг изменился и звучал теперь, подобно синтетической речи – холодно и бесстрастно. – Тогда так. По законам военного времени нападение на старшего по званию и хищение госимущества, а попросту – мародерство – является особо тяжким преступлением и карается расстрелом. Приговор выносится полемым судом, обжалованию не подлежит и приводится в исполнение незамедлительно. Но! – Полковник, прищурившись, смотрел на побледневшего Киреева. – Как ты очень верно заметил, сынок, Родины больше нет. И присяга недействительна. А соответственно, недействителен и устав. И остается только одно правило – правило доминирующего хищника. Так вот, запоминайте, дебилы: доминирующий хищник здесь – это я! Я теперь ваш хозяин, царь, и бог! И как с вами поступать – решаю тоже я! Отныне вы – мои рабы и лишаетесь абсолютно всех прав! Запомните, для меня вы больше не люди, и жизнь вот этих вот свиней для меня гораздо важнее, чем все ваши, вместе взятые! Воронов!

– Я!

– Вызови еще бойцов и обеспечь конвоирование этих отбросов в карцер!

– Но, товарищ полковник, они там все не поместятся!

– А мне – насрать! Пусть хоть штабелями ложатся.

– Есть! – Старший лейтенант сделал знак одному из своих бойцов, и тот сорвался с места, выполняя приказ полковника.

– И, еще...

– Да, товарищ полковник!

– Пистолет! – Трегубов требовательно протянул руку. Тарас молча щелкнул застёжкой кобуры-кармана на разгрузке, извлек оттуда АПС и передал полковнику рукояткой вперед.

Трегубов передернул затвор и взглянул на Киреева. Под взглядом налившихся кровью глаз полковника Киреев невольно вздрогнул.

– Киреев! Кру-гом!

Сержант дернулся, но автоматически выполнил команду.

– По проходу вперед – марш!

Перепуганные бойцы расступились в стороны, освобождая дорогу своему недавнему предводителю. Сглотнув, сержант зашагал вперед. В самом конце коридора повторный окрик полковника остановил его.

– Нале-во! – последовала следующая команда.

Киреев резко и четко, как на плацу, выполнил команду и, вздрогнув, отпрянул.

Прямо перед его лицом к прутьям прижалась отталкивающая, огромная морда. Большой, грязный пятак протиснулся между прутьев клетки и с отвратительным звуком втягивал в себя воздух. Маленькие, злобные глазки не мигая уставились на Киреева.

Сержант сглотнул.

Эта клетка была одиночной. В ней держали огромного, трехсоткилограммового пленного кабана по кличке Вепрь. Вепрь достигал в холке полутора метров, а про его злобный нрав бойцы знали не понаслышке. В дурном настроении он уже как-то подрал бойца, убравшего у него в клетке. Тому две недели пришлось проваляться в санчасти. Огромный вес и злоба делали кабана настоящим монстром, который, однако, тоже требовал ухода, и бойцы тянули между собой жребий, кому сегодня идти в клетку к Вепрю.

– Открывай! – последовал новый приказ.

Киреев побледнел и замотал головой. Кажется, он понял замысел полковника.

– Открывай, я сказал! – Сержант замер, парализованный страхом, не в силах пошевелиться.

– Кобыев! – новый возглас полковника заставил вздрогнуть всех. Лишь бойцы взвода охраны замерли, словно статуи, держа на прицеле срочников.

– Я! – севшим голосом отозвался рядовой, которому казалось, что про него благополучно забыли.

– Помоги товарищу, а то его что-то заклинило, – с усмешкой отдал приказ полковник.

– Но, товарищ полковник...

– Что?!!

– Так точно! Слушаюсь! – на негнушихся ногах Кобыев проследовал в конец коридора. Один из бойцов охраны тут же взял на мушку Киреева, опасаясь, что тот выкинет какой-нибудь фокус.

– Открывай!

Позеленевший Кобыев откинул массивный железный запор и завозился с дополнительным засовом.

– Быстрее! – новый окрик Трегубова подстегнул его, подобно плети.

– Готово! – выдохнул рядовой.

– Возвращайся на место.

– Есть! – видно было, что этот приказ он выполняет с невероятным облегчением.

Полковник направился вперед. Он шел по коридору неспешной расслабленной походкой, а по обе стороны от него жались спинами к прутьям клеток испуганные солдатики. Трегубов и впрямь напоминал сейчас доминирующего хищника, царя зверей, степенно шествующего к водопою среди своих перепуганных подданных. Напротив сержанта Трегубов остановился. Зрачок пистолета немигающим взглядом смотрел Кирееву в грудь.

Полковник, не отводя глаз от сержанта, протянул руку и распахнул дверь клетки. Вепрь непонимающе отступил вглубь, к кормушке.

– Заходи! – тихо, почти ласково, проговорил полковник, приглашающе качнув стволом пистолета в сторону клетки.

– Господин полковник! – попытался подать голос со своего места Воронов, но Трегубов метнул на родственника такой взгляд, что тот предпочел умолкнуть.

– Заходи, мразь! – рявкнул полковник и, не дожидаясь реакции сержанта, схватил того за грудки свободной рукой, сделал шаг вперед и что было сил толкнул Киреева внутрь клетки.

Споткнувшись, сержант упал на спину и завозился в неубранном свином дерьме, пытаясь подняться. В углу глухо заворчал Вепрь.

Обреченным взглядом сержант проследил, как Трегубов тщательно запирает клетку. С лязгом засова из его души испарилась последняя надежда на благоприятный исход.

– Я сказал вам, что жизни этих вонючих животных для меня намного важнее, чем ваши. Это так. Их жизни – это свет, тепло, воздух, вода и мясо. Ваши жизни – лишние рты. Любой, чье существование не будет подчинено обеспечению жизнедеятельности объекта – ненужный балласт, зря потребляющий кислород. Паразит. А паразиты мне здесь не нужны. Но и от балласта я буду избавляться так, чтобы он стал полезным хотя бы своей смертью. С сегодняшнего дня я начинаю экономить комбикорм!

Обведя взглядом испуганных солдат, вновь прибывших, ничего не понимающих бойцов охраны, замерших в дверях, полковник на миг встретился взглядом с Вороновым. Ему показалось, или он заметил в его взгляде неодобрение? Пожав плечами, полковник повернулся к клетке с Вепрем и точным выстрелом раздробил сержанту колено. От грохота, про-

катившегося по бетонному коридору, многие вздрогнули, а вопль боли раненого Киреева потонул в свином визге. Вепрь также сначала отшатнулся, врезавшись своим многокилограммовым телом в стену. Но через мгновение он уже жадно втягивал ноздрями воздух, почуввав в нем запах свежей крови. Медленно и нерешительно он сделал несколько шагов к лежащему на грязном полу сержанту.

Полковник с интересом наблюдал за ним. Огромный кабан повернулся вполборота и уставился на полковника, будто спрашивая у того разрешения. Усмехнувшись этой мысли, Трегубов шутливо кивнул, и в ту же секунду Вепрь сорвался с места. Киреев страшно закричал, когда одно из копыт монстра проломило ему грудную клетку, но кабан не обратил на это внимания. Утробно рыча, он впился отвратительными мелкими зубами в лицо сержанта. Киреев отбивался, но разве можно остановить локомотив. Кабан только раздраженно всхрюкивал, не в силах зацепить кусок вожделенной плоти. Наконец ему удалось надежно впиться зубами, и он нетерпеливо дернул рылом. Раздался дикий вопль, и самые впечатлительные из солдат отвернулись в сторону. Трегубову картина тоже удовольствия не доставляла, однако ему нужно было держать лицо, и потому он, не отрываясь, наблюдал за пиршеством. Свины вокруг, почуввав терпкий аромат крови, будто взбесились, но ни один из людей, смотрящих на кошмарную казнь, не издал ни звука.

Когда тело сержанта перестало дергаться, полковник перевел взгляд на своих подчиненных.

– Я сейчас, возможно, скажу сакраментальную фразу, – негромкий звук спокойного голоса Трегубова прозвучал в абсолютной, как по мановению волшебной палочки, наступившей тишине, – но так будет с каждым, кто осмелится меня послушаться.

С этими словами полковник направился назад. Проходя мимо Воронова, полковник, не глядя, вернул ему пистолет и распорядился вполголоса:

– Остальных – как и сказал – в карцер. На три дня. Здесь оставишь Кобыева с одним из своих, пусть позаботятся о животных. Офицерский сбор у меня в кабинете через полчаса. Ты – ко мне, как только здесь закончишь. Поговорим до того, как соберутся остальные. Ясно?

– Так точно, товарищ полковник! – глухим голосом, не глядя на дядю, отозвался Воронов.

Сейчас, спустя много лет, Трегубов ни секунды не жалел о принятом тогда решении. После решительного разговора племянник согласился, что иначе – не выжить. На собравшемся офицерском собрании его также поддержали. Кто – из страха (рассказ о происшествии на ферме уже облетел объект, успев обрасти леденящими кровь подробностями), а кто – искренне. Уж сильно велико было желание прожить остаток жизни за чужой счет. Никому из офицеров не хотелось спускаться на ферму и заниматься свиньями, а рано или поздно это пришлось бы делать, оставаясь все по-старому. После собрания перестали существовать солдаты и офицеры, зато появились три своеобразные касты.

Каста рабов, в число которых вошли все солдаты срочной службы, кроме бойцов взвода охраны – те образовали касту воинов. Офицеры же стали кастой «думающих», как назвал ее сам Трегубов. На рабов повесили всю работу на объекте, держали их на ферме и кормили чуть ли не хуже свиней. Каста воинов занималась охраной рабов и «обеспечением безопасности убежища». Проще говоря, пара бойцов с автоматами постоянно присматривала, чтобы рабы работали и не испортили случайно или намеренно генератор, без которого дальнейшее существование не представлялось возможным, один – охранял коридор, ведущий к хранилищу, а остальные бесцельно болтались по убежищу, либо дули разбавленный спирт у себя на этаже. Раздача спирта была мерой, на которую полковник согласился, скрепя сердце. Как ни крути, а бойцов охраны было больше, чем офицеров, и подготовлены они не в пример лучше. По этой же причине и питание у них было неплохим. Бунта вооруженных бойцов

убежище не выдержало бы. Ну а каста «думающих» жила в свое удовольствие, питалась как, чем и когда захочется, и только иногда контролировала работы.

В общем и целом существование рабовладельческой общины, в которую превратился личный состав режимного объекта, было тихим, вялым и безмятежным. Единственное, чем пришлось пожертвовать, – это поверхностью. Трегубов наложил жесточайший запрет на любое упоминание о возможном выходе из убежища. Боясь, что, узнав о том, что вверху можно вполне сносно существовать, его подданные разбредутся в попытке добраться до родных мест, полковник пугал людей ужасными монстрами, что бродят на поверхности, жутчайшим радиационным фоном и вечной тьмой ядерной зимы, опустившейся на планету. По его словам, члены общины были едва ли не единственными выжившими на Земле. Никто не спорил, и сытая жизнь продолжалась.

Полковник часто с тоской думал о том, что будь у них женщины, то они смогли бы образовать вполне жизнеспособную колонию. Но женщин не было, и приходилось только принять все так, как есть. Криво усмехнувшись, полковник бросил взгляд на голую пятку, высунувшуюся из-под одеяла. Он дернул локтем, заставляя сопящее тело подвинуться, и Кобыев, замычав во сне, перевернулся на другой бок.

Глава 3. Кто с мечом к нам придет...

Тарас осторожно высунулся из-под раскидистых лап ели, и, немного поерзав, устраиваясь поудобнее, поднес к глазам бинокль. В принципе, расстояние позволяло вести наблюдение и невооруженным взглядом, но старшему лейтенанту нужны были все подробности.

Окуляры бинокля глухо стукнули о панорамное стекло противогаза. Тарас выругался про себя. Как неудобно, непривычно, жарко и противно! Толстая резина ОЗК стесняла движения, замедляла и невероятно раздражала. Тарасу захотелось сплюнуть, но в противогазе это выглядело бы несколько нелепо. Спасибо, что противогаз хоть нового образца! И обзор намного лучше, и дышится легче. Да уж! Поможет ли только все это? Полковник говорит, что фон на поверхности не позволяет находиться там больше трех часов, даже используя средства индивидуальной защиты. По прошествии же трех часов даже прием ударной дозы препаратов, нейтрализующих действие радионуклидов, не гарантирует, что ты сможешь вернуться в убежище. И бойцы, уходившие чинить вентиляцию, недавно начавшую ломаться с неприятной регулярностью, подтвердили этот факт своими жизнями.

Несмотря на ОЗК и противогазы, несмотря на целый комплекс противорадиационных препаратов, которыми были укомплектованы аптечки ремонтников, несмотря на все меры предосторожности – никто из них не вернулся в Убежище. Да, все они были из касты рабов, но, тем не менее, у Воронова каждый раз сжималось сердце, когда Трегубов сообщал ему об очередном не вернувшемся ремонтнике. А в последний выход на поверхность с ремонтниками отправился один из людей Воронова. Дело в том, что боец, отправленный на замену подшипников в последний раз, со своей задачей не справился. Вентилятор так и не заработал, боец так и не вернулся. Трегубов предположил, что раб мог подвергнуться нападению хищников, которых и так в тайге хватало, а за несколько лет отсутствия человека зверья расплодиться должно было еще больше. На ремонт отправили трех бойцов со свинофермы, и придали им в охранение Вороновского зама, в полной выкладке. А через несколько часов Тараса вызвал Трегубов.

– Проходи, присаживайся. – Полковник повел рукой в приглашающем жесте.

– Спасибо, Петр Николаевич. Что там, вернулись наши? – Хотя прецедентов успешного возвращения не было, каждый раз Тарас надеялся, что картина на поверхности не так страшна, как ее обрисовал полковник, и когда-нибудь ему удастся покинуть опостылевшие стены Убежища. Что он будет делать дальше – Воронов не задумывался, главным было именно вырваться из давящего на мозг подземелья.

– Не совсем. Поэтому я тебя и вызвал. Вернулся один из рабов. Облученный донельзя, без ОЗК, противогаза и всего остального. Прежде, чем умереть, он рассказал, что группа подверглась нападению. Окончив ремонт вентиляции и поняв, что доза облучения, полученная ими – смертельна, они решили послужить Убежищу еще хоть чем-нибудь. Уже ставшие героями, спасшие нас всех от медленной смерти от удушья, они решили провести разведку на местности, насколько хватит сил! – голос полковника театрально возвысился, зазвучав настолько пафосно, что Тарас даже поморщился. Уж очень наигранно это звучало. Хотя с чего полковнику играть? Парни действительно герои, и достойны уважения. Просто Трегубов действительно за них переживает. Наверное.

Здесь мысли Тараса споткнулись о всплывшую в памяти картину со страшной казнью сержанта Киреева, когда это все только началось. Тогда Воронов оправдал для себя поступок полковника жесткой необходимостью, ведь не наведи тогда Трегубов порядок железной рукой, выживание всех, населяющих Убежище, было бы поставлено под угрозу. Но что-то в глубине души говорило ему, что это не так. Разделение на касты ему тоже не совсем понра-

вилось, но во время голосования он оказался в меньшинстве. Только он, да начмед проголосовали против рабства и различий в питании, большинство же офицеров поддержало полковника.

Во-первых, кому-то работать действительно было нужно, а во-вторых... если бы Тарас захотел, он бы придумал и во-вторых, и в-третьих, и в-четвертых... Лучше всего на свете человек умеет находить оправдания своим поступкам или же, наоборот, бездействию. Тарасу было не до этого. Первые двое суток после Удара прошли для него, как в горячке, потом же его, как мешком по голове, накрыло осознание масштаба произошедшей катастрофы. Осознание того, что больше никогда не увидит молодую жену и двухлетнего сына. Никогда больше не приедет в гости к родителям, не выгонит из гаража свою выдавшую виды «ауди» и не отправится вместе с соседом на двух-трехдневную рыбалку, которая чаще всего заканчивалась жутким похмельем и потерей части снастей. Не пройдет по улицам родного города, не поднимет голову к синему, безоблачному небу, подставляя лицо ласковым весенним лучам солнца.

Осознание того, что на весь остаток жизни его домом станет подземная казарма, с прикрученным к полу железным столом и откидной койкой невыносимо давило на психику. Одно время Тарас даже подумывал последовать примеру майора Фесенко, однако что-то удержало его от этого поступка. Со временем старший лейтенант смирился с положением вещей, но все равно не мог сдержать гримасы отвращения, глядя на толстых, обрюзгших, с трудом передвигающихся представителей высшей касты. Хотя Тарас и сам принадлежал к ней, однако жить он продолжал на этаже охраны. Все время, не занятое игрой в шахматы с начмедом (с полковником играть Воронов больше не мог, по непонятным ему самому причинам) и немногими обязанностями по Убежищу, проводил в импровизированном спортзале, стараясь удержать в форме хотя бы тело. Однополюе отношения, получившие популярность среди высшей касты, вызывали у старшего лейтенанта чувство отвращения, и он предпочитал выплескивать тестостерон, остервенело мял грушу, или в спарринге с кем-либо из своих подчиненных. Бойцы, бывшие матерые волки из спецназа внутренних войск, также деградировали. Отсутствие нагрузок, тренировок, общее моральное состояние, доступность алкоголя и безделье превратили тренированных спецназовцев в располневшие, безвольные куски мяса. Лишь пара-тройка человек, глядя на командира, не вылезали из спортзала и с радостью принимали приглашение на тренировочный бой. Один из этих бойцов, его зам, Андрей Степанов, и отправился в качестве охранника на поверхность вместе с ремонтниками. Назначил его сам Трегубов, чему Тарас немало удивился. Он считал, что полковник и в лицо-то его парней не знает, не говоря уже про имя-фамилию. Однако факт оставался фактом: вызвав Воронова к себе, Трегубов поставил того в известность, что, согласно его распоряжению, вместе с ремонтниками на поверхность идет Степанов. «Без вопросов», – согласился тогда Тарас. Он так и не узнал, что перед выходом на поверхность Степанов упорно пытался встретиться со своим командиром и о чем-то с ним поговорить, но ему не дали такой возможности.

– В общем, завалил кто-то твоего Степанова и свинарей тоже завалили. Более того! Завалили их, когда они нашли несколько трупов наших бойцов, в нескольких километрах от входа в Убежище, в лесу. Их всех убили. Понимаешь? Всех! И тех, кто уходил ранее! Тех, кто клал свои жизни за то, чтобы мы могли продолжать жить! Эта тварь мочила и грабила наших парней, в то время как мы считали, что они становились жертвами радиации и мутантов! Так этого оставлять нельзя! Берлога того, кто нападал на наших ребят, где-то неподалеку, не иначе. Ты должен найти его и уничтожить! Иначе... Иначе эта угроза для всего убежища!

– Но ведь... Петр Николаевич, на поверхности же жизнь невозможна! Как же тогда там живут те, кто убивает наших?

Полковник пристально взглянул на родственника. В полумраке кабинета его глаза хищно блеснули.

– А я разве утверждал, что это люди?

Глядя на племянника, неуютно съжившегося в кресле напротив, полковник внутренне усмехнулся. Все складывалось, как нельзя удачнее. От придурка Степанова отделаться удалось с гарантией. Кто ж знал, что спецназер окажется настолько пронырливым? Оказывается, Степанов сам по себе совсем не глупый малый, уже давно следил за полковником, ощущая нестыковки в версии Трегубова о смертельно опасной поверхности. Сразу с командиром он говорить не стал, надеясь сначала собрать побольше доказательств. Так случилось, что полковник утратил бдительность и боец застучал его во время ежедневного снятия показаний с наружных, якобы вышедших из строя, приборов. Внешние камеры действительно давным-давно пришли в негодность, но показания радиометра, барометра, термометра и анемометра полковник регулярно снимал и записывал в толстую тетрадь. В этой же тетради он вел календарь. Когда Вороновский подчиненный увидел практически нормальные значения, от изумления он распахнул пасть так, что чуть стол ему слюной не забрызгал. Хорошо, что насколько он пронырливым был, настолько же и наивным. Трегубов толкнул ему телегу, мол-де, последние несколько месяцев обстановка на поверхности стремительно налаживается, но он, полковник, не хочет раньше времени давать своим людям даже луч призрачной надежды, ведь разочарование в том случае, если полковник ошибается, может быть сокрушительным. И вот, мол, именно сейчас, само провидение послало полковнику Степанова. Именно сегодня он собирается отправить наверх людей, чтобы они подтвердили или опровергли версию о том, что наверху все стабилизировалось. Но показания приборов не могут сказать, имеются ли на поверхности враждебные человеку формы жизни, и поэтому рабов кому-то придется охранять. И эта великая честь выпала на долю самого подготовленного и опытного бойца Убежища – на Степанова.

Тот от изумления только еще сильнее выкатил глаза. Конечно, ему очень хотелось быть героем, и он клятвенно пообещал ни слова не говорить никому, включая собственного командира, вплоть до самого выхода, время которого полковник постарался назначить на как можно более ранний срок. Полковник предполагал, что Степанов изменит решение и попытается поговорить с Вороновым, поэтому, под предлогом лучшего отдыха для будущего героя, благоразумно поместил спецназовца в апартаментах верховной касты, поставив часового у двери. Степанов несколько раз порывался спуститься на этаж охраны, но ему не дали. Только когда за «избранными» закрылся тяжелый люк гермодвери и Трегубов лично заблокировал тугой запорный штурвал, только тогда полковник позволил себе вздохнуть с облегчением. Если бы до Воронова дошло, что поверхность практически безопасна, власти полковника пришел бы конец. Трегубов не раз обращал внимание на то, как сильно тоскует по поверхности старший лейтенант. При первой возможности он ушел бы сам и увел бы своих людей, а без защиты касты воинов «думающим» давно бы вспороли животы. Этого Трегубов допустить ну никак не мог. Полковник не мог отказаться от своей призрачной, эфемерной власти, вкус которой так сладок. И пусть власть эта была мала, в масштабах Убежища, но его это абсолютно устраивало.

Когда ему доложили, что кто-то бешено колотит в герму с наружной стороны, он лично отправился в выходной тамбур, чтобы исключить малейшую вероятность распространения ненужной ему информации. Выслушав испуганного бойца, лопочущего про нападение на группу, полковник хладнокровно выстрелил из пистолета ему в голову. Теперь многое стало своим местом. Еще когда он отправлял наверх первых ремонтников, он четко решил для себя, что назад пускать их не будет, и приготовился прочитать личному составу несколько лекций на тему лучевой болезни и мутаций, вызываемых воздействием радиации. Ему очень не хотелось, чтобы кто-нибудь сжалился над бедным «облученным» и впу-

стил того назад в Убежище, раскрыв тайну полковника. Однако, к его удивлению, никто не ломился в запертую гермодверь, не стонал и не плакал по ночам у вентиляционных отдушин. Ему это было только на руку, и Трегубов ни на секунду не задумался над тем, что же с ними случилось. Он даже закрывал глаза на то, что многие из них тащили с собой на поверхность усиленный паек и зажиленный спирт – пикники там устраивать собирались, что ли? Сегодня же в этом деле проявилась некоторая ясность.

Этот сумасшедший, которого видел боец. Скорее всего, именно он позаботился о солдатах, бродивших по зимнему лесу. Почему полковник так думал? Да потому что до ближайшего населенного пункта было свыше восьмидесяти километров, и ни один человек, будь он даже трижды безумным, не пойдет в глухую тайгу, в сторону, прямо противоположную возможным остаткам цивилизации. Значит тот, кто здесь бродит, находится в лесу с самого Удара. У Трегубова была гипотеза, кто именно это мог быть. Не так далеко от запасного выхода, того самого, через который он и отправлял наружу свои «ремонтные партии», находилась заимка, где жил местный лесничий. Если лесник не полный идиот и имел хотя бы минимальные навыки выживания в лесу, у него были шансы прожить бирюком все эти годы. А солдат зачем мочил... Да от скуки! По крайней мере, Трегубов вполне допускал такое толкование поступков отшельника.

Но, как бы то ни было, от ретивого лесника не помешало бы избавиться. Если он с обычным ружьем умудрился спецназовца завалить, то что стукнет ему в голову сейчас, когда к нему перекечовало все вооружение Степанова – одному богу известно. Да и свои проблемы заодно порешать можно. Трегубов уже давно задумывался, как бы по тихой воде избавиться от не в меру впечатлительного родственничка, но удобный случай все никак не представлялся. Теперь же одним махом можно избавиться от всех проблем! Помимо Воронова, во всем убежище лишь два человека не признали нерушимую власть Трегубова. Ну, вернее, до этого их было трое, но Степанов уже кормит в лесу падальщиков. Два сержанта ВВ, презревшие сытую жизнь обеспеченной касты, практически живущие в спортзале и всячески вступающие за рабов – вот еще два персонажа, избавившись от которых Трегубов вздохнет намного свободнее. Весь остальной личный состав спецназа ВВ давно и прочно смирился с положением дел, обрюзг и растолстел от безмерной жрачки, а практически неистощимые запасы спирта сделали из них самых настоящих алкоголиков. И пусть только кто-то попробует лишить их этого рая! Да они ему глотку перегрызут!

Все, что нужно полковнику, – это отправить всех троих навести порядок вокруг базы. Даже если безумный лесник не справится с троицей отлично подготовленных бойцов, назад их никто пускать будет. Трегубов объявит их заговорщиками, планирующими погубить Убежище, – и все будет в ажуре. Осталось только подумать, под каким соусом подать это своим верноподданым, но этим он займется позже. Сейчас ему нужно правильно и красиво поставить задачу старшему лейтенанту.

– Значит так, парни. – Тарас собрал своих бойцов в спортзале этажа охраны. – Нам поставлена практически невыполнимая, но чертовски интересная задача. Кто-то убивает наших ремонтников на поверхности. Нам необходимо выяснить, кто это, и ликвидировать опасность.

– На поверхности? Но...

Удивлению сержантов не было границ. Андреев, обладатель огромных голубых глаз, из-за которых к нему сразу же прилип трогательный и абсолютно не воинственный позывной Бемби, пялился на своего командира, как будто тот сказал, что никакой войны не было, а все эти годы проходили секретные учения. Реакция второго сержанта, Рязанцева, была спокойней. Дима Рязанцев вообще славился своей невозмутимостью. На поверхность – так на поверхность, че там.

Андреев справился со своим удивлением, и смог наконец задать осмысленный вопрос.

– Но ведь на поверхности невозможно выжить! Там же такой уровень радиации, что и часа нельзя пробыть! И мороз – минус пятьдесят четыре! И темно! Мы сами... – Сержант поперхнулся и замолчал.

– Короче. За несколько последних месяцев на поверхности произошли внушительные изменения. В лучшую сторону. Но это – строго между нами. Ни одна живая душа об этом знать не должна. Полковник не хочет, чтобы об этом узнали раньше времени, не хочет обнадеживать людей. На сегодняшний день, наевшись антирада, в ОЗК можно пробыть на поверхности около трех часов без особого вреда для здоровья. За три часа мы должны выяснить, кто нам противостоит, и ликвидировать угрозу.

– А кто нам может противостоять, если ты говоришь, что больше трех часов там не протянуть? И это сейчас. Раньше же вообще было нос не высунуть...

– Ну, во-первых – три часа – это с нашим уровнем экипировки. И препараты бывают поинтереснее, и костюмы не только ОЗК существуют. Во-вторых, полковник выдвинул одну очень интересную гипотезу. Кто-то из обитавших неподалеку людей мог измениться под действием радиации и перестать ее бояться. Ведь наша часть – не единственное обитаемое место в здешних краях. Есть и ИТУ, и метеорологические станции, затерянные в тайге. Да тех же лесников взять – здесь несколько лесничеств имеется, и мы на границе с одним из них находимся. Есть подозрение, что изменившийся лесник и орудует. Как бы то ни было, исходим из худшего варианта: противник разумен, его вооружение – трофеи, снятые со Степанова.

Бойцы потупились. Весть о погибших быстро пронеслась по Убежищу, однако нигде не было такой реакции на печальное известие, как на этаже охраны. Особенно среди последних, не опустившихся бойцов.

– И, вполне возможно, из-за воздействия радиации он быстрее и сильнее нас. Выходим завтра с утра. Прочесываем окрестности, находим и зачищаем чужака. Или чужаков. Ни в коем случае не забываем, что их может быть несколько! Задача ясна?

– Так точно! – В две глотки зычно гаркнули сержанты.

– Отлично. Завтра, в шесть – сбор здесь же. Получаем оружие, экип, медикаменты – и выходим. Разойтись!

И вот сейчас Тарас в бинокль наблюдал место предстоящих боевых действий. Сомнений в том, что виновником гибели солдат Убежища являлся спятивший лесник, не оставалось. Найденная неподалеку яма с останками, среди которых валялись клочья окровавленного камуфляжа, и протоптанная тропинка, ведущая от ямы к заимке лесника, служили тому доказательством. Единственное, что не понятно было Воронову, – для чего тому это нужно было. Ведь, оказавшись Тарас в подобной ситуации, и встретить он людей после двадцати лет одиночества – да он бы им на шею кинулся и расцеловал бы. Видимо, действительно мозг лесника претерпел значительные изменения под воздействием радиации и человеческого в нем осталось мало.

Старший лейтенант снова сосредоточился на предстоящем задании. Если честно, он ожидал, что все будет намного проще. Ну вот никак не думал он, что на месте хлипкого забора, который нарисовало ему воображение, окажется высоченный частокол. Толстые бревна высотой под четыре метра были плотно подогнаны одно к одному и заканчивались заостренными верхушками. И думать было нечего штурмовать такую преграду, будучи облаченными в стесняющую движения химзу. А снять ее – означало сократить и без того малое время нахождения на поверхности. Воронов еще раз с досадой вспомнил испорченные радиометры. Был бы у них на руках хоть один исправный счетчик! Но, к сожалению, вся партия, которой комплектовалось хранилище, оказалась безнадежно испорченной. Заводской брак или неосторожность доставлявших запасы – неизвестно, но факт оставался фак-

том. Разумеется, Тарасу и в голову не могло прийти, что это плод усилий властолюбивого полковника. Предусмотрительный Трегубов, опасаясь, что кто-либо узнает истинное положение дел на поверхности, долго и вдумчиво приводил приборы в негодность.

Андреев, отправленный на разведку, вернулся, и знаками показал, что заимка со всех сторон представляет собой сплошное укрепление. Бревна для забора предприимчивый лесник заготавливал здесь же, не отходя от кассы, так сказать, поэтому местность вокруг забора представляла собой отлично просматриваемое, а значит, и простреливаемое пространство, усеянное торчащими из земли пеньками. Единственным проходом являлись крепкие ворота, сложенные из все тех же бревен. В них еще виднелась калитка, сбитая из толстых досок. Ну, что же... Видимо, придется идти через парадный вход. Скорее всего, калитка на засове, но вся эта фортификация явно не от людей придумывалась, так что сбросить засов труда не составит.

Знаками Воронов разъяснил бойцам свой план. Как таковой, он отсутствовал. Тарас с Андреевым выдвигаются к воротам, Рязанцев остается их страховать. Вооружение Рязанцева легко позволяло это делать на расстоянии до четырехсот метров, поэтому Дима со своим «Винторезом» облюбовал себе рухнувшую сосну, наклонно лежащую на стволе соседнего дерева. С высоты снайперу открывался отличный вид на двор заимки. С трудом забравшись по скользкому стволу, Рязанцев расположился меж сучьев, поерзал, поудобнее устраиваясь в неуклюжем ОЗК, и принялся к окуляру прицела. Воронов и Андреев, прикрывая друг друга, на полусогнутых двинулись к воротам.

* * *

Захар уже успел основательно продрогнуть, когда наконец услышал тихое поскрипывание снега. Поспешно засунув термос с травяным настоем обратно в рюкзак, лесник прижался к земле и затаил дыхание. По тропинке тихо, стараясь не шуметь, вода стволами по сторонам и контролируя сектора, двигались три фигуры. Необычное, незнакомое Захару вооружение, плащи ОЗК с натянутыми на свиные рыла противогазов капюшонами, небольшие рюкзаки-«суточники» за плечами. Движения плавные, отработанные. Видно, что спецы, да. Вот только какого хрена они в резине-то преют? Пожалуй, не будь на бойцах громоздкой «химзы», Захар бы не рискнул с ними связываться, тихонечко прополз бы в другую сторону, раскопал бы замаскированные в снегу салазки с припасами и дернул бы в сторону города. Нехай красавчики с оставленными сюрпризами ближе знакомятся, ага. Но сейчас, подметив пусть редкие, но лишние движения и неловкие позы, принимаемые бойцами время от времени, в нем крепла уверенность, что зачистить перед уходом тылы – не такая уж и непосильная задача. Да, перед ним, бесспорно – профессионалы, но! Во-первых – громоздкие костюмы ОЗК явно не были привычны для бойцов, а это уже минус к их боевым навыкам. Во-вторых – мужики ощутимо нервничают. Это ощущалось в каждом их движении. Казалось, что-то их тяготит, им нестерпимо закончить со своим делом и свалить. Даже те, что попадались Захару ранее, были пораскованнее. Эти же вели себя так, будто каждую секунду им угрожает смертельная опасность. Нервозность движений выдавала их с головой. Чего боятся – непонятно, однако их страх Захару был только на руку.

Подобравшись к началу вырубki, фигуры опустились в снег, будто совещаясь о чем-то, да, скорее всего, так оно и было. Один из «прорезиненных», видимо, старший, показал что-то жестами своим подчиненным, один из которых сразу же отвалил в сторону и по широкой дуге отправился в обход заимки. Захар напрягся было, но, глядя, как двое других по очереди разглядывают его дом в бинокль, успокоился. Третьего, видимо, отправили разведать, что там, с другой стороны дома, и пока он не вернется, активных действий не предвидится. Зев-

нув, Захар покопался в боковом кармане рюкзака, достал оттуда полоску вяленого мяса и, засунув ее в рот, со скучающим видом приготовился к длительному ожиданию.

Вчера он решил-таки уходить. Небольшой рюкзак, снятый с Рэмбы, как он окрестил для себя необычного бойца, набил всем необходимым. Термос с настоем трав, который вот уже несколько лет с успехом заменял ему чай, длинные полоски вяленой зайчатины, допотопный радиометр, «прихватизированный» в одну из былых вылазок в городок из кабинета ГО местной школы. Коробку с самолично переснаряженными когда-то патронами, тестовой, так сказать, партией, испробовать которую он так и не решился, а потом и вовсе забыл про них. А сейчас нашел – и порадовался. Вчера он долго думал, что делать с образовавшимися двумя единицами «длиннотвола». Таскать и ружье, и «калаш» желания не возникало. Запутаясь еще в ремнях в критический момент, и – пишите письма. Поэтому после некоторых раздумий и колебаний «ТОЗ» лишился приклада и половины ствола и превратился в самый настоящий обрез. Идеальное оружие ближнего боя! И мощное, и особых снайперских навыков от стрелка не требует. Заряжай хоть дробь, хоть картечь – и пали, не целясь. После некоторой возни с ножом, иглой и частью ремней с разгрузки Рэмбы, Захар сваял не особо эстетичную, но очень даже функциональную кобуру для обреза. Выглядит страшновато, зато отлично крепится к ноге. И движению не мешает. И выпасть – не выпадет, а достать – дело одной секунды.

«Калашников», который выглядел незнакомым, при ближайшем рассмотрении оказался точно таким же, как тот, который Захар столько раз собирал и разбираал на уроках ДПО и позже – в армии. Норматив на скорость он сейчас, конечно не сдаст, но и запустить оружие не запустит. Это хорошо. Нож, снятый все с того же поставщика подарков, Захару глянулся тоже. Прямой, в меру длинный, обоюдоострый, с серрейторной заточкой ближе к рукояти, он ложился в руку идеальным орудием убийства. Даже не раздумывая, Захар сменил свой старый охотничий нож на это чудо. Бинобль, сверток с вяленным мясом, две фляги – одна со спиртом, другая с водой, импровизированная аптечка. Все. Больше в этот рюкзак класть что-либо смысла нет. Разве что... лесник с сомнением покосился на лежавший на столе пистолет. Раньше Захар таких не видел. Вроде и тот же «Макаров», но как-то поменьше размерами. Что означает надпись «ПБ» Захар дотумкал, только когда нашел в кармашке кобуры стальную трубу глушителя. Бесшумный, значит, ага. К пистолету было два магазина, помимо того, которым он уже был снаряжен. К автомату – целых четыре. Подумав, Захар решил, что столько железа таскать на себе – резона нет, и убрал пистолет, вместе с кобурой, глушителем и магазинами в рюкзак. Все. Теперь здесь точно все.

На очереди – припасы. Для них – большой туристический рюкзак. Тащить на себе его не придется, он на санках поедет. В него – все то, без чего не обойтись в дальнем походе. Почему в дальнем? Да потому, что в городке оставаться тоже бессмысленно, наверное. Город – да, однозначно, но только как промежуточная цель путешествия. Куда идти дальше, он решит. По дороге. Даже без предостережения, полученного во сне, Захара уже начинало захлестывать раздражение от сидения на одном месте. Сначала, когда была жива семья, он считал, что так будет лучше, потом ему было все равно. Сейчас же, когда жуткий рубец в душе ныл все тише, он начинал ловить себя на мысли, что сидеть посреди заснеженной тайги становится откровенно скучно. Опять же, что-то людно тут в последнее время становится. Припасы на исходе, в рейд за восемьдесят километров пешим строем не выдвинешься, а вот если с концами...

В большой рюкзак отправилась двухместная туристическая палатка, примус, спиртовка. Подумав, Захар решил не тащить ни порох, ни дробь, ни форму для отливки. Все необходимое наверняка сохранилось в городе, так что лучше запастись едой, бумагой для розжига костров, да теплыми вещами, еще не поеденными молью. Одежду он в городе тоже

найдет, вот только туда еще идти надо. Боеприпасов ему хватит точно, а вот мерзнуть – нехорошо.

Уже почти укомплектовав рюкзак, Захар вдруг в сердцах швырнул его на пол. Да какого хрена, в конце концов? Почему он должен бежать из собственного дома? Бежать, даже не попытавшись дать отпор? Да, он все равно собирался уйти, но одно дело – уйти добровольно и совсем другое – бежать, подобно загнанному животному! Да еще и оставить здесь все то, что он с таким трудом нажил! Относительно безопасный, уютный дом, припасы, приспособления для выживания. И кому-то все это достанется даром? Ну, нет! По крайней мере, несколько сюрпризов гостям он оставит, а там – поглядим. Может, еще и самих гостей потрепать получится! Взгляд упал на лежащий отдельно гранатный подсумок, снятый с трюфлейной разгрузки. Хищно оскалившись, Захар достал одну из гранат – ребристую «эфку» и ухмыльнулся, глядя на нее.

Под чулками ОЗК похрустывал снег. Сосредоточенно водя стволом «Вала» из стороны в сторону, Тарас старался контролировать сектора, изредка поглядывая на спину идущего впереди напарника, но, то и дело отвлекался на собственные мысли.

Кошмарная поверхность оказалась мифом. Перед выходом полковник отчасти открыл карты перед родственником, рассказал ему, что уже несколько месяцев фиксируются улучшения, что он подумывает о переселении из подземелья, и только ужасная радиация тому помехой. Сейчас Тарас сомневался в этих словах. Лес выглядел точно так же, как и восемь лет назад, деревья не казались искореженными радиацией, как ему представлялось. Так ли она велика? С другой стороны, полковнику нет смысла врать. Он точно так же, как и другие, тяготеет подземным заключением. Вот только тяготеет ли? Если здраво рассудить, то у Трегубова в Убежище вполне комфортная жизнь и абсолютная власть. Мог ли он кормить личный состав страшными историями, только для того, чтобы эту власть удержать? Ответ – мог. Ему это выгодно.

Тарас не сомневался ни минуты: окажись жизнь на поверхности возможной, весь его взвод покинул бы Убежище и отправился на поиски уцелевших. В конце концов, не так уж тут и далеко от цивилизации. В городке, что неподалеку, вполне можно привести в рабочее состояние какую-нибудь технику, те же снегоходы, и на них двинуть дальше. А без преданной охраны царствию Трегубова – конец. Его тем же свиньям и скормили бы. По крайней мере, несколько лет назад. Сейчас Воронов уже не был уверен, что его бойцы последовали бы за своим командиром. Слишком уж вольготную жизнь им предоставил полковник. Придется жестко поговорить с родственничком по возвращении. Но это потом, а сейчас...

В размышлениях Тарас и не заметил, как они добрались до ворот. Твою ж мать! А если бы опасность? Так и проморгал бы. Хорошо, спину Рязанцев страхует. Идущий впереди Бемби поднял вверх сжатый кулак: «Стоп!». Они вплотную подошли к калитке. Показав жестом, мол, страхуй, Андреев извлек нож и теперь старался поддеть засов. Через какое-то время ему это удалось, доска, запиравшая вход, выскользнула из креплений и мягко упала в снег. Взяв оружие наизготовку, Андреев ногой толкнул дверь, и они ввалились во двор.

Захар видел, как отправленный на разведку боец вернулся и жестами объяснял что-то своему командиру. Тот ответил такой же серией коротких, рубленых движений. После чего третий вояка, вооруженный, судя по массивной оптике, чем-то снайперским, полез на поваленное дерево. Дерево при этом качалось, с его веток сыпался вниз снег. Захар аж покачал головой. Ну вот, как дети малые, ей-богу! Будь они без этих презервативов резиновых – их бы ни увидеть, ни услышать, а так – как медведи неуклюжие, чесслово! И чего они их понапяливали?

Дождавшись, пока товарищ обоснуется в своем «гнезде», командир вместе со вторым бойцом направились к воротам. Ну да, этот вон на дерево еле влез, и как бы они забор его штурмовали – вот смеху-то! Но командир у них не совсем тупой, понимает, что с такими раскладами путь у них один – через калитку. Ну, давайте, хлопцы, удачи! А мы пока с вашим другом погитарим. Захар, стараясь не шуметь, вылез из сугроба, в котором прятался, и направился к поваленному дереву. В руках он сжимал трофейный «ПБ», с навинченной трубой глушителя. Пусть он не самый меткий Робин Гуд в этом Шервуде, но с четырех-пяти метров не промахнется. Бойцы уже достигли ворот и копались возле них. Может, взорвать додумаются? Он подавил смешок. Не, вон скинули засов чем-то, во двор входят. Захар немного ускорился и вскоре уже стоял под деревом, на котором восседал мало что слышащий под резиной снайпер. Захар поднял пистолет в вытянутых руках и тщательно прицелился. Черт! Толстые ветки, усыпанные густыми иглами, мешали выстрелить, частично закрывая голову бойца, а стрелять в корпус Захар не решался, справедливо опасаясь бронежилета, поддетого под «химзу». Ну, что ж. Не получается так – придется по старинке. Присев под деревом, лесник осмотрел ствол. Ну, так и есть! Он же сам это дерево и срубил когда-то. Он тогда частокол заканчивал и увлекся немного. Бревен уже хватало, и ему было лениво тащить во двор и очищать от веток такую бандуру. Бросил тогда, как было, и – гляди ж ты – сейчас это ему сыграло на руку.

Ствол лежал на пеньке и держался на честном слове и куске коры. С другой-то стороны дерево надежно фиксировалось за счет собственного веса и раскидистых ветвей, а вот с этой... Засунув пистолет за пояс, Захар достал новый нож, сделал пару шагов в сторону, и, склонив голову набок, стал чего-то ожидать. Звуки отлично разносились по безмолвному зимнему лесу. И в тот момент, когда со стороны заимки послышался металлический лязг, треск, будто сломали сухую ветку, и сдавленное мычание в противогазе, видимо, означавшее дикий крик боли, он, сделав два быстрых шага, что было мочи ударил подошвой берца в основание ствола дерева. Хрустнула, ломаясь, узкая полоска коры, ствол соскочил с пенька, и шаткая конструкция обрушилась вниз, увлекая за собой обосновавшегося на дереве человека.

* * *

Дима Рязанцев был невозмутимой личностью. По крайней мере, так считали окружающие. Он оставался невозмутимым, когда его в школе пинали сверстники. Он не плакал, не жаловался ни учителям, ни родителям. Он просто пошел и записался в секцию боевого карате. Через пару лет все с той же невозмутимостью он отвечал ударом на удар, ломая носы обидчикам. Спокойно и хладнокровно смотрел в глаза родителям «обиженных», когда те, брызжа слюной, доказывали, что малолетнего хулигана надо изолировать от общества. Спокойно поступил в институт, неплохо учился, защищал честь родной альма-матер на районных и областных соревнованиях. А потом влюбился. Отчаянно и бесшабашно, в самую красивую девочку на потоке. Она в него влюбилась тоже. Одна беда: она встречалась с непрыстым парнем. Тот, сынок то ли криминального авторитета, то ли удачливого бизнесмена, что по сути одно и то же, не пожелал мириться с таким раскладом вещей. «Забил стрелку» обидчику, на которую приехал с друзьями и травматическим оружием. Вполне предсказуемо, и сам баловень судьбы, и его друзья-подельники отправились в больницу, а против Димы попытались возбудить уголовное дело по факту тяжких телесных повреждений. Над выбором служить или сидеть Дима думал недолго. Таким образом, спортсмен и отличник Рязанцев вместо пятого курса отправился в армию. Здесь-то парень и нашел себя. Здесь все было проще, чем на гражданке. Да, и здесь плелись интриги, а высокие чины схлестывались в партере подковой борьбы, но спецурсы это все, по большому счету, не касалось. Спецназ

ВВ был настоящим боевым братством, где каждый готов был подставить другу плечо. Здесь все было ясно: вот – свои, а там – враг. Или ты его, или он тебя. Не раздумывая, после срочки Дима остался служить по контракту. Лагерь спецназа стал его новым домом, и даже горы вокруг не пугали, а завораживали его.

Одна из операций закончилась полным провалом. Ее тупо слили, продав информацию о готовящемся ударе командованию боевиков. Той ночью с задания вернулся только он. Все его товарищи остались лежать там – «у незнакомого поселка, на безымянной высоте», как поется в песне. После тяжелого ранения Рязанцева хотели комиссовать, но он воспротивился. На него смотрели, как на идиота, однако ходатайство решили-таки удовлетворить. Только перевели его на участок, мягко говоря, потише. Так сержант Рязанцев оказался здесь, посреди тайги.

Здесь и не пахло боевым братством. Здесь вообще ничем не пахло. Лютые морозы, сугробы и заснеженный лес наводили тоску, а перспектива заступать на дежурство по такому холоду вгоняла в уныние. И народ здесь подобрался... как бы помягче так сказать... гниловатый. Сюда слали тех, кто имел волосатую лапу на гражданке и не торопился проливать свою кровь там, где пачками гибли вчерашние студенты. Лучше здесь померзнуть, но хоть в живых остаться – примерно так рассуждали здешние псевдо-спецназеры. Кроме самого Рязанцева из боевых здесь был только командир взвода охраны Воронов, его зам Степанов, да балагур и весельчак Андреев. Остальные – так, серединка на половинку.

До Удара сержант старался, по возможности, вообще ни с кем не контактировать. После – так уже не получалось. Нравы, воцарившиеся в Убежище после Удара, пугали и отталкивали его, но сделать он ничего не мог. Тут-то и стало понятно, кто из «товарищей по оружию» тварь дрожащая, а кто – право имеет. Большая часть бойцов охраны с радостью переметнулась под крыло Трегубова. Дима остался наблюдать в стороне. Вскоре выяснилось, что нормальных мужиков во взводе, кроме него всего трое – все те же боевые. Хотя командир и приходился каким-то родственником полковнику, однако далеко не все его взгляды он разделял. Наверняка, если бы не плачевное положение дел на поверхности, Воронов кликнул бы сочувствующих и ушел из Убежища. Однако идти было некуда. Оставалось только смириться.

Задание полковника Рязанцев воспринял, как манну небесную. Наконец-то! Стряхнуть с себя пыль, снова побывать на поверхности, которую уже и не чаялось увидеть, а главное – снова ощутить тот азарт охоты. Охоты на самого опасного и умного хищника – на человека. И даже если ему не суждено вернуться с этого выхода, даже тогда это будет лучше, чем овощем гнить в этом погребе!

Сейчас Дима сидел, жвав наглазник оптики в окуляр противогоза, и изо всех сил старался не отвлекаться на посторонние мысли. От него сейчас, возможно, зависели жизни двух товарищей, и он не собирался подставлять их из-за какой-то ерунды. В ОЗК было жарко, нестерпимо чесалась кожа под толстой резиной, окуляры противогоза запотевали, сбивая прицел. Еще резина капюшона очень глушила звуки, иначе Рязанцев обязательно услышал бы, как из сугроба позади него выбралось нечто среднее между лешим и партизаном времен Второй мировой, и, держа в согнутых руках пистолет с глушителем, зашагало прямо к его засидке. Все внимание спецназовца было обращено на двор, в который зашли парни. Зашли – и на мгновение исчезли из поля зрения. Именно в этот момент дерево трянуло, и он вдруг почувствовал, что теряет равновесие. Он попытался выправиться, но все его убежище пришло в движение. Застигнутый врасплох боец падал спиной вперед, запутавшись в еловых ветвях широким плащом костюма химической защиты. Вот он почувствовал сильный удар о землю и попробовал рвануться вперед, но перед его лицом возникла отталкивающая, покрытая шрамами рожа, до самых глаз заросшая бородой. Рожа подмигнула ему, широко улыбнувшись плотоядной ухмылкой, а потом он почувствовал острую боль в шее. Грудь залило чем-то горячим, а через мгновение его сознание померкло.

Прошло всего лишь несколько мгновений с того момента, как засов повалился в снег. Воронов не успел еще полностью оказаться во дворе, как из-под ноги шагнувшего в полуприседе вперед Андреева взметнулась снежная пыль. Послышался металлический лязг, а вслед за ним – ужасный крик боли, который поставил бы на уши всю округу, если бы не противогаз. Во все стороны брызнул тугие струйки крови, а Бемби завалился на бок и пытался руками разжать огромный медвежий капкан. Окровавленный обрубок ноги держался лишь на лохмотьях резины ОЗК, да на нескольких лоскутах кожи ниже колена. Кровь хлестала не останавливаясь. Тарас сделал шаг вперед, намереваясь помочь товарищу, одна рука его уже достала из узких ножен длинный боевой нож, а вторая, нырнув за пазуху, выдернула из-под липучки нарукавного кармана ИПП. Мысли неслись быстрее курьерского поезда.

«Промедол. Двойную, нет, тройную дозу, следом – противорадиационный комплекс и закрыть ногу остатками ОЗК. Может, еще не поздно. К черту эту миссию, нужно Бемби до базы живым дотащить. Хоть бы этот урод стрелять сейчас не стал, а то оба здесь ляжем», – скакало в голове, а руки тянулись к лежащему на грязно-красном снегу сержанту. Андреев, видя это, лихорадочно выкатил глаза и замотал головой. Вот благородный же! Боится, как бы меня не достали из-за того, что я тут с ним валандаюсь. Ну, ничего, сейчас все будет хорошо. Он присел на колени и уже примерился сделать первый надрез, когда услышал сдавленный стон.

– Командир! Командир, вали отсюда. Мне все равно вилы. Уходи.

Тарас вскинулся. Андреев, не в состоянии докричаться до начальства сквозь противогаз, стянул его, и сейчас жадно вдыхал бодрящий воздух поверхности.

– Ты... Ты зачем снял? Серега! Назад одень! Быстрее! Сейчас, сейчас тебя освобожу, назад вернемся...

– Я не хочу назад, старлей. Нечего мне там делать. А ты иди, а то у меня сил держать нет уже. Вырублюсь сейчас. Больно, как больно-то, с-с-сука!

– Что держать? Что держать, Серый? – похоже, подчиненный уже бредил. Глаза Андреева уже закатывались, но у него еще хватило сил прошептать:

– Граната...

Тарас опустил взгляд вниз – и замер. К грязному, ржавому капкану на медведя стальной проволокой была привязана граната. При срабатывании механизма «эфка» встала на боевой взвод, и все это время Андреев, разглядевший двойную ловушку, терпя ужасную боль, прижимал рычаг гранаты, не давая ей взорваться и положить их обоих. Сейчас же пальцы сержанта медленно разжимались. Последним усилием Андреев скрючился в немыслимой позе, прикрывая гранату своим телом, а в его огромных, васильковых глазах уже сквозила вечность. Понимая, что сейчас произойдет, Воронов отбросил сантименты и, перескочив через тело своего бойца, кинулся к поленнице, сложенной вдоль забора. Оттолкнувшись обеими ногами, он рыбкой перелетел через кучу дров, приземлился, сгруппировавшись, на другой стороне и вжался в землю. Глухое «бум» отдалось в землю, следом за ним раздалось еще несколько взрывов – детонировали гранаты в под сумке сержанта и по поленнице пробарабанили осколки. Воронов выглянул из-за дров и ему стало плохо. Не выдержав, старлей стянул противогаз и тут же его вывернуло. Он забыл о задании, забыл о сидящем в своем гнезде Рязанцеве, забыл обо всем. Перед его взором лишь плыли васильковые глаза Бемби, да высокая, кряжистая фигура Степанова.

Придя в себя, Воронов отшвырнул противогаз в снег и удобнее перехватил «Вал».

– Ну, держись, сволочь! Я сейчас мочить тебя буду!

Мозг заработал быстро, холодно и расчетливо. Раз он еще жив, значит, этой твари попросту нет дома. Никто бы не отказался от такой удобной мишени, как два бойца, валяющиеся в снегу. Значит, подождем. Только вот заходить с парадного хода мы больше не будем.

Мало ли какие сюрпризы тут еще имеются. Учитывая хитро прикрученную к капкану гранату, товарищ им попался талантливый.

А Рязанцев-то – молодец! Выдержка у парня, что надо. Наблюдать такое в прицел и не кинуться на помощь товарищам! Такому можно спину доверить! Повернувшись в сторону леса, он жестами показал снайперу, чтобы тот продолжал прикрывать, и двинулся в обход постройки. Воронов даже представить не мог, что тот, кому он сейчас подавал знаки, как раз в этот момент прекратил хлюпать собственной кровью, хлещущей из перерезанного горла, в последний раз дернулся – и затих.

Перед ним вырос сарайчик. Навесной замок на двери говорил о том, что в данный момент в нем никто скрываться не может. Тарас воздержался от проверки, помня о возможных сюрпризах, и грамотно «нарезая пирог», обогнул постройку. За домом имелась пристройка, причем, судя по глухим ставням и массивной двери, сообщающаяся с домом. Вряд ли кто-то стал бы так заморачиваться из-за нежилого помещения. Опять же, сарайчик. И дверь хлипкая, даром, что с замком, и окошки обычные застекленные имеются. Так что проход в дом из пристройки есть наверняка. Вот там и обоснуемся в ожидании хозяина. А потом уж и поговорим по душам! Несколько быстрых шагов – и вот он уже в тупичке, образованном с двух сторон таким же глухим забором, а с третьей – стеной пристройки. Воронов уже взялся было за дверную ручку, но вдруг что-то в периферийном зрении завладело его вниманием. Повернувшись, он увидел два заметных снегом холмика, с обледеневшими досками крестов. Подойдя ближе, он разглядел и таблички. Могилы. О как! Это кого же он так бережно здесь похоронил? Пацанов, вон, в яму побросал, а тут... В принципе, старший лейтенант уже догадывался, что он там увидит, но, чтобы подтвердить свою догадку, он нагнулся вперед и стер перчаткой ОЗК иней с таблички. Посмотрел секунду-другую и перешел к следующей.

Пару секунд Воронов осмысливал прочитанное, а затем его внимание привлек шорох сзади. Он резко развернулся, вскидывая автомат, но выстрелить так и не успел. Широкая совковая лопата с треском врезалась ему в голову, и мир перед глазами померк.

«Успокоив» снайпера, Захар задумался. Уходить сейчас или еще понаблюдать за ситуацией? Судя по хлопку гранаты, во дворе уже тоже «минус один», а, если повезло – то и «минус два». Наверное, стоит вернуться, посмотреть, что там, только не через главный ход, как эти придурки. В любом случае, если кто-то там и выжил, то сейчас возможны два варианта развития событий. Первый – один из бойцов попытается вытащить другого, если тот каким-то чудом еще жив. Второй – оставшийся в живых засядет в доме и будет ожидать возвращения Захара. Ну, или, вернее, попытается засесть. Как бы ему залечь не пришлось. Захар усмехнулся в бороду собственной корявой шутке. Окна везде наглухо забиты ставнями, а возле каждой двери незваного гостя ожидало по сюрпризу. Да. Пожалуй, он ничего не теряет. Надо сходить, посмотреть. Внутри по телу разливался уже знакомый азарт – азарт охоты на человека, и даже руки начали подрагивать от возбуждения. Не, этого нам не надо.

Попытавшись вытащить из-под здорового бойца, да еще и приваленного деревом, его кучьей рюкзачок, Захар плюнул и, перекинув через плечо диковинную винтовку снайпера, с которой решил разобраться позже, двинулся через вырубку. Зайдя со стороны поленницы, Захар нагнулся, пошарил рукой в снегу и откинул стопор. Целая секция забора качнулась на свежесмазанных петлях, бесшумно пропуская хозяина во двор. Прикрыв за собой потайную калитку, Захар выглянул из-за поленницы. Да уж. Подразметало парня, однако. Цепочка свежих следов вела от того места, где сидел Захар, вокруг сарайчика за дом. Рядом исходила паром на морозном воздухе лужа рвоты и валялся какой-то новомодный противогаз. Старясь ступать след в след, чтобы не выдать себя хрустом снега, бывший лесник направился

за дом. Добравшись до угла, он аккуратно выглянул. Последний оставшийся в живых боец был цел и невредим, но, судя по лежащей на дверной ручке руке – ненадолго. «Ну, давай же, давай, милый!». Но боец не услышал его. Внимание солдата привлекли могилы, слегка запорошенные снегом.

«Чего ты туда поперся?! Чего ты там забыл?!» Душная злоба вскипела, и Захар, на ходу прихватив прислоненную к стене лопату, которой периодически убирал снег, подкрался к бойцу. Подойдя на расстояние удара, он широко размахнулся. В этот момент, видимо, почувствовавший что-то боец, начал оборачиваться, одновременно скидывая оружие, и Захар, испугавшись, что не успеет, со всего маха заехал бойцу в голову. Раздалось гулкое «бэмс», и боец, не издав не звука, тяжело опустился в снег. Захар подскочил к двери пристройки, аккуратно, не больше чем на пару сантиметров приоткрыл дверь, и, срезав трофейным ножом капроновую нить импровизированной растяжки, вздохнул с облегчением. Отворил дверь, заволок солдата внутрь (ох и тяжелый же, зараза!) и, устроив того на тяжелом резном стуле, доставшемся еще от прежнего хозяина, деловито принялся вязать бездыханное тело. Закончив, он закрыл за собой дверь, водворив на место засов, и прошел в дом. В доме он поставил на не успевшую еще погаснуть печь, чайник и вернулся в пристройку. Скрутив самокрутку, Захар водрузился на хромоногий табурет, закурил и принялся ждать, когда гость очнется.

Глава 4. «Мне отмщение и аз воздам»

Сознание медленно возвращалось к старшему лейтенанту. Сначала вернулся слух, потом в нос ударил густой и сложный «аромат», среди компонентов которого была и вонь нестираных портянок, едкий штын пережаренного лука и терпкий запах самосада. Когда через несколько мгновений к нему вернулось зрение, он смог увидеть носителя этого запаха. Прямо напротив него, прислонившись спиной к стене, сидел мужик. Или старик? Не понять. Густые черные волосы с изрядной проседью спускались на плечи, в лопатообразной бороде также хватало сивых волос. Но глаза у старика были молодые. Цепким и слегка насмешливым взглядом он рассматривал Тараса. Точно. Мужик. Лет сорок пять, полтинник максимум. Но здоровенный какой! Как медведь, прямо. Сколько ж в нем росту? Метра два есть точно. И плечи широченные. Силищи у него немерено, должно быть.

И в этот момент до него дошло: да это же тот самый лесник! Та нечисть, что убивала ребят!

Воронов резко дернулся вперед, норовя прыгнуть на врага. Стиснуть его шею в могучих руках и душить. Душить, пока ненавистные глаза не вылезут из орбит. Дернулся – и обмяк. Последним чувством вернулась боль. Боль в жестко стянутых за спиной руках, в слишком сильно заведенных назад плечах и в икрах ног, в которые врезалась веревка, пережимая мышцы.

Мужик, уже не пряча ухмылки, выдохнул Тарасу в лицо струю вонючего дыма.

– О! Оклемался! Как голова-то? Не болит?

Тарас старался не показать, насколько хреново ему на самом деле. И не только физически, но и морально. Убивать он его пришел, ага. Команда из трех подготовленных профессионалов не смогла справиться с одним противником. И ладно бы, противник был достойным, а то... Колхозник какой-то! И он сам хорош тоже. Командир, блин! Пришел за парней поквитаться и огреб лопатой по голове. И смех, и грех! Ангел мщения недоделанный! Нужно потянуть время. Рязанцев наверняка видел все со своей позиции и сейчас подбирается к избе. В этот момент блуждающий взгляд старшего лейтенанта упал на предмет, никак не вязавшийся с окружающей обстановкой. В углу, прислоненный к хромоногую табурету стоял... Винторез ВСС! Воронов сглотнул. Да... Стало быть, не придет уже на выручку к нему сержант Рязанцев. Но как?

– Мне вот одно интересно – продолжал между тем мужик. – Нахрена вы презервативы эти понапяливали? – Он пнул ногой валявшийся небрежным комком комплект ОЗК. Только сейчас до Тараса дошло, что ни «химзы», ни разгрузки на нем нет.

– Радиация! – испуганно выдохнул он. Черт, черт, черт! Даже выпутайся он сейчас из этой передрыги – он не выживет! Ему предстоит сдохнуть от лучевой болезни, изойдя кровавым поносом!

– Что? – Впервые на лице лесника отразились какие-то эмоции. – Что ты сказал? Радиация? – Глаза лесника округлились донельзя. Еще секунда – и он скрючился в приступе дикого смеха. Хохоча, он звонко лупил себя по ляжкам. Точно, сумасшедший. – Радиация! Ой, я не могу! Какая, нафиг, радиация? Тебе кто эту сказку рассказал? – Внезапно его лицо стало серьезным, и он вплотную приблизился к связанному старшему лейтенанту. – Вы че там, в своем бункере, совсем двинутые? Какая радиация, придурок? Ближайшая бомба упала где? В Иркутске? В Новосибирске? В Улан-Удэ? Ты ж, вроде, военный, паря? Что ты мне тут вкручиваешь? Какая радиация? На, смотри! – Резко метнувшись к одной из полок, лесник схватил что-то оттуда и сунул прямо в лицо Тарасу. Резкий толчок чем-то угловатым разбил старшему лейтенанту губу. Теплая струйка побежала по щеке. Когда проморгался, смог прочесть выцвевшие буквы на корпусе: «Радэкс».

– Хочешь проверить, сколько ты хапанул здесь? Давай посмотрим! – С энтузиазмом одержимого, лесник стал водить радиометром вокруг тела старлея. – Здесь? Не пищит! А здесь? Здесь тоже не пищит! Нет, ну ты только глянь! И здесь молчит! Ну! Убедился? Че молчишь?!

– Полковник, с-с-ука! Вернусь – убью! – именно в этот момент в голове у Тараса щелкнуло, и кусочки паззла наконец сложились в общую картинку.

– Кого ты там мочить собрался, убивец? – Лесник заинтересованно нагнулся к Воронову. – Ну!

И старший лейтенант сломался. Страшное открытие, будто камнем ударило его. Сначала спеша и запинаясь, а потом все спокойнее он выложил леснику все. Начиная с сигнала «Ядерная атака» и до последних событий.

– Да, красавец ваш полковник, сказать нечего! – Лесник хохотал до слез. – И че, вы все, в натуре, там повелись? Ой, не, не отвечай, че-то мне и так хреновенько сделалось! Да, повеселил, брат лихой, повеселил, ничего не скажешь!

Тарас уныло смотрел на затянувшееся веселье своего «гостеприимного» хозяина. Когда, в процессе рассказа, Воронов выразительно поглядел на стоящее в углу ведро с водой, не прекращающий веселиться хозяин отстегнул от пояса флягу и дал старлею напиток, взамен потребовав указать, где находятся вентиляционные шахты и главный и резервный входы в бункер. Тарас безвольно согласился, и отметил на засаленной карте необходимые места. Лесник посерьезнел и теперь задумчиво расхаживал взад-вперед по пристройке, задумчиво бормоча что-то себе под нос. Тарас смирился уже со всем. И с ложью полковника, и со своим пленением. А возможно, и со скорой гибелью. Лишь один вопрос не давал ему покоя.

– Зачем ты все это делал? Зачем ты убивал их? Ведь... Ведь у тебя здесь было все для выживания!

Лесник усмехнулся.

– Нет, не все, ошибаешься. Ботинок у меня не было моего размера. Кстати, ты какой носишь? – В этот момент напускная улыбка сползла с испещренного шрамами лица лесника.

– Ты очень четко подметил. «Для выживания». А вот то, чем я жил, – у меня отняли.

Лесник вдруг перешел на крик, и Воронов дернулся. Да он пьяный! Или сумасшедший? Или и то, и другое?

– Ты и такие, как ты, – вы во всем виноваты. Вы! Больше никто! Это вы, уроды, все устроили и спрятались в свои норы. Спрятались и сидели там! На всем готовом!

Искаженное лицо приближалось к опешившему старлею. Он моргал от брызжущей изо рта сумасшедшего слюны, а от жуткой вони самосада и подгнивающих зубов уже было невозможно дышать. Тарас с трудом отвернул голову и выдавил из себя:

– Но при чем тут я? Я в таком же положении, как и ты!

– Ты? Да не смей меня! Именно ты, и те, кому ты служишь, развязали эту войну. Именно вы забрали миллиарды жизней, а сами трусливо попрятались в бункера и убежища. Все эти годы ты хоть в чем-нибудь нуждался? Ты не выглядишь изможденным! А я голодал неделями, отдавал беременной жене последние куски гребаного мутантского мяса, чтобы у нее и моей дочери был шанс выжить! Ты не накручивал в отчаянии десятки километров по морозу, в дырявых валенках, отмораживая пальцы, надеясь, что ну хотя бы вон в том дальнем силке окажется добыча! Что-то, что сможет продлить моей семье это жалкое существование, по ошибке называемое жизнью. Когда ты хотел есть – ты шел и брал еду! Именно из-за вас и ваших либеральных законов те, кого в цивилизованных странах травят газом или убивают электричеством, вырвались на свободу! Из-за вас они пришли в мой дом! Из-за вас я потерял все, ради чего стоило жить! Так какое право на жизнь после этого имеете вы?

Выговорившись, лесник немного успокоился. Достал откуда-то из-за пазухи кисет, оторвал полоску от газетного листа, аккуратно насыпал на нее табак, и, смочив слюной, стал сворачивать очередную самокрутку. Руки у него дрожали. Порывшись в карманах, он достал обломок охотничьей спички, и, чиркнув ею о полоску металла, которым была обита изнутри дверь, жадно затянулся. Надсадно закашлялся, затянулся вновь и изучающе посмотрел на Тараса.

– Знаешь, а я ведь когда-то готовился стать хирургом. Совсем немного оставалось доучиться. И вот мучил меня постоянно один вопрос: если человеку аккуратно ампутировать руки и ноги, а потом поменять их местами, приживутся конечности? А? Как ты думаешь?

Тарас похолодел. Этот человек и впрямь сумасшедший! Почему-то он сейчас не сомневался в том, что псих не шутит. Что и вправду собирается сделать то, о чем говорит. Лесник, между тем продолжал:

– Представляешь, просыпаешься ты с утра, а у тебя руки – из жопы растут! Прикинь? А ноги прямо под носом подвывают! Вот незадача-то, а? – Постепенно безумец опять входил в раж. – А что? Давай эксперимент такой проведем? Ты ведь никуда не спешишь? Ты не бойся, я все аккуратно сделаю! Артерии посшиваю, вены, там. Капилляры. Не, ну, может, немного крови ты и потеряешь, но ты ведь вон какой кабан! Ты и не заметишь, правда? Так, что нам понадобится?

Лесник отошел к полкам и начал увлеченно копать в наваленном на них добре. Именно в этот момент толстая деревянная дверь, обитая полосами железа, взорвалась щепками. Засов, не выдержав нагрузки, просто лопнул, и на месте вышибленной доски возникла мощная, когтистая лапа, покрытая густой шерстью. За дверью раздался недовольный рев, лапа рванулась назад. От мощного рывка дверь сорвало с петель. Послышался треск досок, и в пристройку сунулась огромная коричневая голова. Взревев еще раз, монстр рванулся вперед, дверной проем затрещал, разламываемый мощными плечами, и в пристройку ввалилось нечто.

* * *

История старшего лейтенанта повергла Захара в шок. Это ж какую больную психику нужно иметь! Замуровать себя заживо в бетонном погребе только для того, чтобы наслаждаться властью над несколькими десятками человек! Крысиный король, туды его в качель! И ведь это старший командный состав! Именно такие люди и довели сначала страну до разорения, а потом и всю планету на карту поставили. Кто быстрее ударит по красной кнопке? У кого реакция окажется лучше? Война без победителя, жест бессильной злобы. Итог – планета лежит в руинах. Наверняка Захар этого не знал, но цепную реакцию, последовавшую после первого же пуска, представлял себе хорошо. Интересно, кто был первым? Хотя, какая разница? В итоге, проиграли все.

И что теперь делать с этим гавриком? Не проводить же, в самом деле, обещанную операцию. Не садист же он, в конце концов. Вариант один: достать ПБ – и пулю в затылок. Да, пожалуй, это лучший выход из всех существующих. А потом наведаться к их бункеру и разобраться с оставшимися. Вряд ли это будет сложно. Кое-какие задумки на этот счет у Захара уже имелись.

От громогласного рева и треска раздираемых досок погрузившийся в свои мысли Захар аж подпрыгнул. Он резко развернулся, рука дернулась к уже привычно висящему на бедре обрезу, но, увидев, кто пожаловал к ним в гости, лесник в оцепенении замер.

Несомненно, раньше ЭТО было медведем. Одним из самых опасных лесных хищников. Но, судя по тому, во что он превратился, родительница конкретного экземпляра не спала спокойно в берлоге, будучи на сносях, как положено любой нормальной медведице, а шля-

лась по лесам, неоднократно попадая под радиоактивные осадки. Во всяком случае, только этим можно объяснить изменения, произошедшие с топыгиным. Король лесов обзавелся костяным наростом на голове, практически закрывающим глаза, а и без того немаленькая медвежья пасть, стала еще больше. Из нее угрожающе выпирали корявые клыки. Густая шерсть кое-где зияла проплешинами. Конечности вытянулись, стали еще более мускулистыми, а сам медведь – более поджарым и тощим. А ведь это, кажется, медвежонок еще. Черт, а что будет, если он с родителями в гости пришел? Об этом не хотелось даже задумываться. Взгляд маленьких, налитых кровью глазок красноречиво говорил лишь об одном: это хищник, и он – на охоте. А добыча – вот она, только лапу протяни. Медведь повел головой, принялся, и злобный взгляд вонзился в старшего лейтенанта. Привязанный к стулу пленник стремительно побледнел. Плащ ОЗК, сплошь покрытый кровью и ошметками плоти Андреева, валялся у него под ногами, недвусмысленно намекая хищнику, кто здесь завтрак.

Неожиданно медведь дернулся, как будто сзади его сильно толкнули. Недовольно зарывчав, он, ломая широкими плечами доски, протиснулся в пристройку, а позади него в дверном проеме возникла еще одна коричневая башка. Медведь был не один.

«Вот и все. Сейчас он бросится, и...». Перед глазами Воронова не проносились калейдоскопом вся жизнь, как это красочно описывают в бульварных романах. Мозг работал на полную катушку, изыскивая путь к спасению. Лесник замер в углу, боясь даже пошевелиться, на пленника внимания он не обращал. Почувствовав, что зверь сейчас атакует, Тарас попытался воспользоваться последним шансом. Из всех сил он подпрыгнул вместе со стулом, одновременно заваливаясь назад. Если разломать стул, хотя бы часть веревок ослабнет, и тогда у него появится призрачный, крохотный шанс выжить. Не получилось. Проклятый стул выдержал падение, лишь жалобно захрустела одна из ножек. Сам же Тарас со всего маха приложился затылком об пол. Не отошедшая еще после предыдущего удара голова загудела, а перед глазами поплыли темные круги. В этот момент зверь прыгнул. Тяжеленная туша обрушилась на старшего лейтенанта, многострадальный стул затрещал, ломаясь на части, и Воронов, полураздавленный навалившейся массой почувствовал дикую боль в спине. Толстая, острая щепка вошла в спину, раздвигая плоть и разрывая внутренние органы. От вспоровшей тело боли хотелось орать, но Тарас словно онемел. Рот наполнился кровью, и последним, что он почувствовал, было смрадное дыхание зверя. Разверстая пасть сомкнулась на голове старшего лейтенанта, и, прежде чем скользнуть в небытие, он успел услышать хруст костей собственного черепа. Мир погас.

Чудовищная смерть старлея вывела Захара из ступора. Если он не хотел разделить участь бойца, нужно было срочно что-то делать. Ясно, как день, что лупить из обрезка по этим монстрам – что воробьям дули крутить. Эффект будет приблизительно одинаковым. Нужно искать другой выход. Бегство как вариант спасения Захар отмел сразу. Эти твари догонят его в два счета, и вряд ли получится от них отделаться, притворившись трупом. Отсидеться тоже не получится. Второй зверь, почуявший запах крови, бесновался на улице, пытаясь вломиться в пристройку, но пока что ему мешала туша его товарища, рвущая тело старшего лейтенанта. Но стоит тому хоть немного подвинуться...

Дверь в стене, ведущая в основные помещения дома, так и манила, но она была «по ту сторону медведя». Если он попадет в дом, то еще можно выкрутиться. Здесь же – смерть.

Не теряя времени, Захар отступил на шаг и, воспользовавшись небольшим свободным пространством позади себя для разбега, рванулся вперед, пытаясь в отчаянном прыжке перемахнуть пировавшего хищника. Не вышло. В воздухе он зацепился коленями за бугристую спину медведя, его развернуло, и лесник врезался в пол. Не чувствуя в горячке боли от удара, на четвереньках он метнулся к двери. Потрясенный ударом зверь глухо заворчал, сдви-

нувшись в сторону, освобождая искалеченный дверной проем. Второй хищник будто только этого и ждал. Зверь с ревом ворвался в пристройку, норовя присоединиться к трапезе товарища, но тот не пожелал делиться добычей и ударом косматой лапы отогнал нахлебника.

Всего этого Захар уже не видел. Подхватив с пола рюкзак, в который он побросал добытые с карателей трофеи, он распахнул дверь и дернул в дом. Второй медведь рванул вслед за ним, но фокус с проламыванием стен мишке не удался. В отличие от пристройки, которую Захар выгнал самостоятельно, изведя на нее весь запас доски-сороковки, сваленной во дворе под брезентом, сама изба была сложена из полноценных бревен, и отчаянный мишкин таран к успеху не привел. Медведь только застрял в дверном проеме. Злобно рыча при виде ускользающей добычи, зверь отчаянно протискивался в дом.

Куда? Куда дальше? Лесник не сомневался, что рассерженный и голодный зверь будет преследовать его, пока не настигнет. Оставалось только одно: медведей следовало убить. Но как это сделать?

В отчаянии он сорвал с бедра обрез и, прицелившись в голову хищнику, с диким криком дернул оба спусковых крючка.

– Получи, тварь!

Выстрел пропал впустую. Дробь не смогла нанести зверю серьезных повреждений, костяной нарост на лбу защитил глаза, и медведь, лишь приведенный болью в еще большую ярость, изо всех сил рванулся вперед. Затрещало дерево, и хищник ворвался на кухню. Плотно застрявший в дверной коробке зверь просто вырвал ее из пазов, и Захара спасло лишь то, что сдавившая плечи деревяшка сейчас интересовала зверя больше, чем прием пищи. Дико ревя, животное металось по кухне, в попытке сорвать с себя так раздражавший его ошейник. Звенела посуда, тарелки, падая с полок, бились вдребезги, и зверь бесился еще больше. Со звоном разбившаяся об голову мутанта банка с подсолнечным маслом натолкнула перепуганного лесника на спасительную мысль. Солярка!

Метнувшись в гараж, он схватил канистру с дизтопливом, предназначенным для генератора, и, вытащив пробку, вернулся на кухню. Медведь все еще сражался с дверной рамой, но треск дерева говорил о том, что скоро он от нее избавится. Подскочив к хищнику, Захар вывернул на него канистру. Резко пахнувшая жидкость растеклась по шерсти, и медведь негодуя заревел. Мало! Еще!

Он снова вернулся в гараж и выбив пробку из здорового бака, с трудом подтащил его к дверному проему. Ударом ноги ему удалось перевернуть емкость, и вязкая жидкость с бульканьем потекла по полу. Он снова вернулся в гараж и успел перевернуть еще один бак, прежде чем громкий треск и победный рев возвестили о том, что хищник освободился.

Ободранная дробью морда зверя показалась в дверях. Не на шутку струсивший Захар схватил с пола первый попавшийся предмет и с криком запустил его в зверя. Тяжелый баллон врезался мутанту в голову, заставив его недовольно взрыгнуть и отступить. Баллон! Газ!

Когда-то давно Захар использовал газ для приготовления пищи. Но, замаявшись мотаться в город за газовыми баллонами, которые, к тому же, было крайне неудобно перевозить на снегоходе, плюнул и стал готовить на печи, топя ее, как и котел, дровами. С тех пор старенькая газовая плитка пылилась в углу гаража, но несколько баллонов у Захара осталось.

Полимерно-композитные баллоны не взрывались, это Захар помнил точно, так как продавец-консультант в строительном магазине всю плешь ему проел, расписывая их преимущества перед обычными, стальными. Захару тогда было наплевать на это, его интересовало лишь то, что они были более компактными и их проще было закрепить на снегоходе. При деформации или сильном нагреве срабатывал предохранительный клапан, и струя газа под давлением вырывалась наружу. Не взрывались, да. Но зато газ замечательно горел, а это в данный момент и интересовало Захара. Схватив еще два баллона, он метнул их в кухню и заозирался в поисках того, чем подпалить разлитую по полу соляру. С обычными спичками

тут ловить было нечего, чтобы знать это, не нужно было быть технарем. Температура не та. Только в кино злодей угрожал взорвать все вокруг при помощи цистерны с дизтопливом и зажигалки «Зиппо», бывшей неотъемлемым атрибутом всех голливудских блокбастеров. Фальшфейер!

В хозяйстве Захара их было несколько штук. По инструкции, лесник должен был обозначать фальшфейерами место посадки вертолета МЧС в случае чрезвычайной ситуации. Была где-то у него и ракетница, но искать ее сейчас просто не было времени. А фальшфейеры – вон они, в картонной коробке на верхней полке.

Разъяренный медведь ворвался в гараж, и Захару ничего не оставалось, кроме как запрыгнуть на полку. Металлический стеллаж стонал и прогибался в то время, как он карабкался по нему на самый верх. И когда осталось лишь протянуть руку, чтобы достать вожделенную коробку, медведь с разгона врезался в стеллаж. Хлипкие крепления, не выдержав, лопнули, и Захар, со всем хламом, хранящимся на полках, полетел вниз.

Мощный удар об пол выбил из него дух, какая-то коробка ударила по голове, разбив бровь, но времени отлеживаться не было. Вконец разозленный медведь заворочался под стеллажом, разворачиваясь к расторопной пище мордой. Захар завозился, скользя по залитому соляжкой полу и пытаясь найти точку опоры. Наконец, ему это удалось, и он рванул на четвереньках к пластиковой трубе фальшфейера, закатившейся под верстак. Когда он схватил ее, медведю за его спиной удалось отшвырнуть стеллаж. Угрожающе зарычав, зверь двинулся к леснику, осторожно переступая лапами по скользкому полу. Захар, все так же на четвереньках, задом наперед миновал высокий порог и оказался на кухне. Вот что-то попало ему под руку. Он на секунду отвел взгляд от медведя и, подобрав одной рукой оброненный в пылу схватки обрез, засунул его за пазуху. Медведь неумолимо приближался. Сзади послышалось рычание. Лесник рывком обернулся и обомлел: второй хищник, покончивший с трапезой, пришел за добавкой и стоял в развороченном дверном проеме, ведущем в пристройку. Зверь еще раз угрожающе зарычал, будто подтверждая намерения. Захара вдруг перемякнуло.

– Знаете что? А не пошли бы?!

Рывком он поднялся на ноги и рванул запальный шнур фальшфейера. Тот зашипел и, выпустив целый сноп искр, стал разгораться. Через секунду искусственный факел уже горел вовсю. Захар качнулся вперед, угрожая ткнуть огнем в морду преследовавшего его медведя. Тот, угрюмо рыча, отшатнулся.

– Что, съел? Не нравится? – Он резко повернулся ко второму мутанту, успевшему полностью втиснуться на кухню. Тот отпрянул.

Захар поискал взглядом вещмешок с трофеями и, обнаружив его у себя под ногами, в одно движение закинул его на плечо.

– Ну что, уроды? Счастливо оставаться! – С этими словами он бросил фальшфейер на пол и, мощно оттолкнувшись, бросился в окно. Зазвенели осколки, затрещали гвозди в вырываемых из стены ставнях, и он вывалился на улицу. Морозный ветер лизнул изрезанное лицо, но ему было не до этого. Вскочив, он выдернул из мешка пистолет и заглянул в выбитое окно. Навстречу ему высунулась медвежья морда, и он рефлекторно дернул спусковой крючок. Еще, и еще. Залязгал затвор, и пули, с легким хлопками покидающие ствол, вонзились медведю в морду. Особых повреждений они не нанесли, а одна и вовсе, срикошетив от медвежьего лба, свистнула над ухом у Захара, но хищнику явно не понравилось такое угощение, и он резво убрался внутрь. Фальшфейер горел вовсю, разбрасывая сноп искр, испуганные медведи метались по дому, в панике не находя выхода и круша все, что еще оставалось целого. Потихоньку занималась соляжка. Захар перевел ствол на газовый баллон, валяющийся в луже разлитого по полу дизтоплива, и несколько раз выстрелил в него. Пули впились в баллон, деформируя его, и из отверстий с шипением вырвались струи газа. Захар бросился в снег, в доме пыхнуло. Испуганно заревели медведи. Не теряя времени, лесник

на четвереньках отполз от окна. Выпрямился и что было сил рванул вокруг дома. Ни в коем случае нельзя было дать медведям выскочить через пристройку! Мощные ворота гаража, запертые на тяжелый амбарный замок, их натиск выдержат, входная дверь уже была объята пламенем, и туда мишки сунутся побояться. А вот пристройка... Он успел.

Один из медведей уже сунулся в пристройку, когда Захар нашел в рюкзаке гранату, с трудом с непривычки выдернул из нее чеку и метнул ее внутрь. За ней сразу же полетела следующая. Захар отпрыгнул за угол. Два взрыва слились в один, и медведь, посеченный осколками, тяжело рухнул в дверном проеме, намертво блокируя его. Уже не спеша Захар обошел дом, уселся на поленницу и трясущимися руками стал крутить неизменную самокрутку. Дом весело полыхал, трещала крыша, сквозь которую начали прорываться языки пламени. Внутри, как-то скуляще на одной визгливой ноте голосил оставшийся медведь, что-то лопалось, взрывалось.

Захар поморщился от жара, нашел в кармане спичку, и зажег о полено. Жадно затаился, стер рукавом кровь с лица, текущую из разбитой брови и многочисленных мелких порезов. От пережитого его всего трясло мелкой дрожью.

– Вот это фейерверк... – Задумчиво пробормотал лесник, прежде чем потерять сознание.

Судя по тому, как ярко полыхал дом, в отключке он пробыл недолго. Захар с тоской смотрел на свое жилище. Вместе с ним сгорала немалая часть его жизни, но, как ни странно, он не чувствовал сожаления. Наоборот, будто очищался от скверны, накопившейся в нем за все эти годы. Поморщившись от невыносимого жара, он встал, отряхнул от снега штаны, поправил изодранный тулуп и медленно побрел к выходу со двора.

Постарался обойти ошметки того, что до взрыва гранаты было человеком. Плюнул, поняв все бесполезность этого занятия, и зашагал вперед, осторожно ставя ноги. Тяжелый запах крови и вывалившихся внутренностей перебивал даже запах гари, который гонял по двору свежий ветерок. Немудрено, что мишки пожаловали в гости. Теперь Захар понял, и кто погрыз трупы в яме, и кто силки периодически обрывал, и чьи следы он наблюдал неоднократно вокруг дома. А ведь и правда медвежата были. От этой мысли его передернуло. Не хотелось бы встретиться с их родней, ох, не хотелось бы. Дураку понятно, что на открытой местности у человека нет ни единого шанса остаться в живых после такой встречи.

Выйдя из калитки, он направился к своей захоронке. По дороге свернул, вернулся к тому месту, где нашел покой снайпер, и срезал у того со спины рюкзак. Напрягшись, вытянул его из-под трупа и, не рассматривая содержимое, забросил за плечо. Добравшись до раскидистой ели, выволок из-под нее салазки с привязанным рюкзаком, снял сверху обмотанный мешковиной автомат и повесил его через плечо. Распустил тесемки маленького рюкзака и достав патронташ с собственноручно снаряженными патронами для дробовика, нацепил его на пояс. Вытащил из-за пазухи уже набивший несколько синяков обрез, перезарядил его и воткнул в кобуру на бедре. Подумал, что в ближайшее время надо озаботиться чисткой оружия, вздохнул и, впрягшись в санки, потащил их по молчаливому лесу. Часто останавливался, думал о чем-то, горестно качал головой и снова упрямо шел вперед. Добравшись до могильника, Захар остановился. Отвязал от санок лопату, специально прихваченную для этой цели, снял слой снега с краю и принялся долбить мерзлый грунт. Убрать за собой он собирался еще до визита мутантов, а увидев воочию, какие твари бродят в этих лесах, только утвердился в своем решении. Тела надо закопать. Нечего мутантов раскармливать.

Смерзшаяся земля шла тяжело, но он упрямо копал. Мыслями же он был далеко отсюда.

За годы, проведенные здесь, он будто сроднился с этим лесом. Ни разу до последнего времени у него не возникало даже мысли о том, чтобы куда-либо уйти. Зачем? Здесь была крыша над головой, крепкий забор, еда и топливо. Но в последнее время его начала заедать

тоска. Ну чем он занимался, если так рассудить? Проверял силки, ел и спал, да еще бесцельно бродил по лесу. Вспомнив свои «прогулки», Захар вздрогнул. А ведь медведи все это время были где-то рядом! Вряд ли их берлога далеко отсюда. Представляя, что в любой момент своих блужданий по лесу он мог нарваться на этих тварей, Захар невольно ежился. Считал себя хозяином леса. Ха! Чуть не схарчили сегодня хозяина, еле ноги унес. Только шрамов прибавилось, да дом сгорел. Отлично, че!

За размышлениями он не заметил, как стало смеркаться. Критическим взглядом окинув яму, он остался доволен. Тела полностью скрылись под комьями мерзлой земли. Он снова приторочил лопату к рюкзаку и двинулся дальше. Мелькнула мысль вернуться назад и переночевать за крепким забором, но он отогнал ее. Неизвестно, где сейчас спокойнее. На шум и свет могло сбежаться зверье со всего леса. Лучше уж здесь. Отойдя на достаточное, как ему показалось, расстояние от могильника, Захар придирчиво выбрал место и приступил к установке палатки. Провозился неожиданно долго, и, когда закончил, уже было темно. Двухместная туристическая палатка была достаточно теплой, и когда он, забравшись внутрь, зажег толстую парафиновую свечу, внутри стало даже уютно. Хлебнув настоя из термоса, Захар разложил на полу ветошь и приступил к чистке оружие.

В первую очередь Захар вычистил и смазал верный «тозик». После, наморщив лоб и вспоминая давно забытые уроки, разобрал «калаш». Как ни странно, это удалось ему довольно быстро. Вычистив и собрав автомат, он достал из рюкзака ПБ. За свою жизнь Захару несколько раз довелось держать в руках боевое оружие. Пистолеты ему не очень нравились. Поиграться с каким-нибудь «магнумом» случая не приключилось, а «макаровы» и «ТТ» в его лапах казались несерьезными игрушками. Да и легкими они были слишком, как на его вкус. Здесь же – абсолютно другое дело. И с виду, и по весу – все тот же «макаров», но, когда накручиваешь насадку глушителя – ситуация кардинально меняется. Пистолет пришелся Захару, что называется, «по руке». Пусть говорят, что из «Макара» с успехом можно только застрелиться – он на звание Буффало Билла не претендовал. С пары метров тихо вальнуть кого – милое дело. С пистолетом он провозился дольше всего. Захар тщательно вычистил его, сменил магазин и стал думать, куда бы его приткнуть. На бедре – обрез, на плече – автомат, за спиной – топор, на поясе – нож. Если еще пистолет куда-то привесить – ваще ахтунг будет. Шагающий арсенал, епта. Да и не так уж удобно ствол с глушителем наверху носить. Ладно. Для ближнего боя обрез сгодится, а ПБ пока – в рюкзак. Все равно часто пользоваться его не придется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.